

Отец

Людмила Степанова

Людмила Георгиевна Степанова

Отец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50404427

SelfPub; 2020

Аннотация

Эта книга о человеке, который отдал силы, знания, а если потребовалось бы, то и жизнь, чтобы вырастить дочерей честными, справедливыми и полезными обществу. У него всё получилось. Эта книга об исключительном, настоящем отце!

*Посвящается любимым родителям
Степановым Георгию Тимофеевичу
и Нине Михайловне*

В наше время роль отца в воспитании детей не столь значительна. Современный мужчина чаще всего – ещё один ребёнок в семье, у которого на первом месте мысли о собственной пользе и выгоде. Всю ответственность в большинстве случаев берёт на себя женщина. Эта книга о человеке, который отдал силы, знания, а если потребовалось бы, и жизнь, чтобы вырастить дочерей честными, справедливыми и полезными обществу. У него всё получилось. Эта книга об исключительном, настоящем отце!

1. Отчий дом

Люда жила на окраине небольшого провинциального городка, недалеко от леса, где змейкой вилась железная дорога. Она приходила сюда, как только появлялась возможность. Её манил специфический запах, исходящий от шпал.

– Интересно, чем это пахнет? Обязательно узнаю у отца, – решила девочка. В тот же вечер, когда он вернулся с работы, спросила:

– Папа, чем так вкусно пахнут шпалы?

– Креозотом. Это такое вещество, которое защищает шпа-

лы от гниения, – охотно объяснил отец. И тут же:

– А что ты делаешь у железной дороги?

Люда поняла, что выдала не только себя: она никогда не оставалась без присмотра старшей сестры. А тут – такая досада!

– Теперь мне достанется от неё! – испугалась маленькая проказница. Но, к счастью, всё обошлось.

Улица, на которой жила шестилетняя девочка, носила имя легендарного Чапая, быть может, поэтому все её друзья – соседские мальчишки – мечтали быть похожими на красного командира. Они каждый день собирались у леса поиграть в войнушку, а ранней весной – понаблюдать за тритонами, которые водились в многочисленных мелких водоёмах и прудах. Им нравилось подолгу смотреть на хвостатых земноводных, с аппетитом пожиравших личинки комаров. Мальчишки всегда приходили домой мокрыми. За день они измеряли по нескольку десятков луж, чтобы лучше узнать окружающий мир. Резиновые сапоги порой не успевали высыхать за ночь, но это их не останавливало – сорванцы на следующий день снова отправлялись на железную дорогу. И казалось, что их любознательности не будет конца. Люда завидовала ребятам: у них были высокие сапоги. Они могли зайти в самую глубокую лужу и похвастаться: дескать, вот мы какие!

– Иди сюда, не бойся! – звали её ребята.

– Ага-а-а ... У меня сапоги короткие! – с досадой в голосе отвечала она.

Ровесниц среди девочек у неё не было, и ей ничего не оставалось, как только ждать мальчишек, чтобы потом пойти в лес. Одной – страшно, но когда любопытство брало верх, Мила (иногда так её называли соседи), успокаивая себя тем, что далеко заходить не будет и что скоро вернётся, оказывалась на знакомой поляне. Как любая девчонка, она мечтала о красивом букете из первых весенних цветов. Их называли подснежниками. В конце апреля огромные поляны превращались в бело-голубые ковры с зелёными вкраплениями. В лесу пахло свежестью, будто кто-то разлил флакон духов с тончайшим ароматом. Ей всегда хотелось собрать самый большой букет и принести домой, чтобы поделиться радостью со своей сестрой.

– Детка, лесные цветы не стоят долго в вазе, – предупредила мама, – через два дня они превратятся в гербарий, и это вовсе не подснежники, а ветреница.

– Ну и что! – говорила про себя Люда.

От такого разоблачения желание нарвать огромный букет первоцветов только усиливалось. А ещё ребятня любила ходить в котлован, на стенах которого были написаны самые разные слова: хорошие и не очень. Девочка всегда смущалась, когда попадавшаяся на глаза надпись говорила о том, что сделал её человек некультурный. Рисунки тоже были разными ... Больше всего ей хотелось от некоторых избавиться, но размеры художеств заставляли отказаться от этой идеи.

– Эге-гей!!! – кричали мальчишки, стоя в котловане.

– Эхе-хей!!! – передразнивало эхо.

Накричавшись вволю, они ждали, когда по участку железной дороги, который находился над котлованом, пройдёт поезд – товарняк или пассажирский.

– Раз, два, три ... – считали они вагоны, – шестьдесят три, шестьдесят четыре, шестьдесят пять ... Ребята не скрывали радости – такой длинный состав они видели впервые.

Время на железной дороге пролетало быстро. И только голуб напоминал о том, что пришла пора подкрепиться. Мальчишки неохотно шли домой.

– А давайте толкачей нарвём! – предложил кто-то однажды.

Толкачами ребята называли хвоци – травянистые растения с мелкими чешуйчатыми листьями, которые были похожи на маленькие светло-коричневые свечки. Сладкие и сочные, они нравились детворе.

Люда любила возвращаться домой, в свою небольшую уютную комнату, где могла помечтать, например, о том, куда пойдёт завтра. Ближе к вечеру приходили с работы уставшие родители, но отец находил в себе силы и время поиграть с ней. Она чувствовала его нежное к ней отношение и не потому, что была младшей дочерью. Их притягивало друг к другу, как маленькие кусочки магнита. Вдвоём они могли свернуть горы. Мама только радовалась такой дружбе. Общие интересы помогали развиваться ребёнку. Отец так же сильно любил лес и восхищался природой. На вопрос: пой-

дѣт ли младшенькая в лес по грибы или ягоды, всегда получал утвердительный ответ. Вставали на рассвете, с первыми петухами.

– Ну, что, дочка, пойдѣм по грибы? – спрашивал отец.

Люда быстро натягивала чулки, повязывала платок, чтобы клещи не укусили, брала маленький ножичек и спешила за отцом. Мама всегда удивлялась их непреодолимому желанию бродить по лесу целый день и слушать щебетанье лесных птиц.

– Папа рассказывал много интересного, – делилась Люда, когда они с мамой оставались наедине, – например, как искать грибы, какой лес любят подосиновик или боровик, где растут чѣрные грузди, местные называли их «чернушками», когда наступает сезон опѣнок летних и осенних, как правильно срезать гриб, чтобы не навредить природе, от какого слова происходит его название.

Мила росла девочкой любознательной: задавала много вопросов, на которые отец не сразу мог ответить. Но это только радовало его: дочь полюбила лес! Часа через три она всё же уставала, её ничто уже не радовало, хотелось есть.

– Папочка, давай поищем местечко посидеть! – просила маленькая спутница.

У папы всегда были запасы съестного: варѣные яйца, свежие огурцы, зелѣный лук, чѣрный хлеб с домашним салом. Иногда мама давала в дорогу варѣную картошку на случай, если дочь не захочет сала: растаявшее оно превращалось в

тянущиеся полоски, которые почему-то всегда застревали в горле, вызывая тем самым неприятное ощущение ...

Подкрепившись и надышавшись лесным воздухом, малышка крепко засыпала под большой еловой веткой на старом пиджаке, который заботливо расстилал для неё отец. А минут через пятнадцать она просыпалась, полная сил и желания вновь собирать грибы. Чтобы порадовать дочь, отец шёл на небольшие хитрости: нарочно пропускал большие подосиновики или боровики, а та, не замечая подвоха, искренне радовалась находке.

– Папочка, миленький, посмотри, ты гриб пропустил!

– Какая ты молодец! – не скупился на похвалу отец.

– Пройди левее, зайди за дерево, мне кажется, там должны расти белые!

– Ой, правда! Смотри, какие! Толстые, плотные, с большими коричневыми шляпками, а как пахнут! – Люда бережно укладывала в корзинку свою находку, целуя каждый грибок. Тихая охота продолжалась до тех пор, пока не садилось солнце. Мама волновалась, когда грибники подолгу задерживались в лесу, сердилась на папу, но каждый раз, увидев их с полными корзинами грибов, уставших, но счастливых, меняла гнев на милость, несмотря на то, что впереди её ждала многочасовая работа по очистке лесных даров. Люда обязательно помогала ей и рассказывала удивительные истории, которые с ними приключались.

– Мамочка, а этот гриб я нашла в глубокой канаве! Пред-

ставляешь, прямо в песке рос, а этот ... – она взхлёб рассказывала о каждой находке и всегда ждала похвалы!

– Умница! – говорила мама. Она, не подавая виду, гордилась дочкой и своим мужем.

Дом, в котором жила Люда, родители построили своими руками. О том времени они не любили рассказывать. Тяжело было. Тогда не каждая семья решалась на строительство. Но желание мамы жить в собственном доме оказалось сильнее всяких трудностей. Строили долго. Денег на кирпич не хватало, папа решил возвести стены из доступного по тем временам материала: шлака – продукта, остававшегося после сжигания твёрдого топлива. Засыпали его в специальные формы, заливали цементным раствором, ждали, когда всё застынет, и только после этого продолжали поднимать стены. Физические нагрузки изнурили родителей, но они работали не покладая рук, с каждым днём приближая свою мечту. Дом возводили много лет, на свет успела появиться и вырасти вторая дочь. Чтобы как-то свести концы с концами, держали поросят, разводили кур. Маленькая Люда тоже помогала: ей доверяли кормить цыплят. Каждый день она подходила к клетке, чтобы посмотреть, как растут её желтые пушистые комочки.

– Пик-пик, пик-пик, пик-пик ... – весело переговаривались цыплята. – Пик-пик, пик-пик, – словно эхо вторили им маленькие утята, которые росли быстрее, чем их пернатые друзья, – не по дням, а по часам.

Накормить двадцать пять прожорливых утят – считалось делом непростым. Спасала поблизости расположенная от дома река. В конце лета она покрывалась ряской – мелкими растениями в виде пластинок, которые водоплавающие поедали с волчьим аппетитом. Всегда «весёлые» утки и селезни только к вечеру возвращались с реки: белоснежные, с полными зобами, переваливаясь с одной лапки на другую и о чём-то «переговариваясь», шли они вереницей домой. Их впускали не сразу.

– Лю-да, – кричала Лена, – как только я насыплю еду в кормушку, открывай ворота!

– Хорошо! – отзывалась она с готовностью помочь сестре.

– Хлоп-хлоп, хлоп-хлоп ... – как только двери открывались, утки наперегонки бежали к деревянным кормушкам и жадно заглатывали еду. Набирали в клюв и несколькими движениями проталкивали её внутрь. Люда не успевала глазом моргнуть, как они, наевшись досыта (такое, правда, случалось редко), ложились на бок, укладывая огромный зоб на асфальт, вытягивали перепончатые лапы и довольные зати-хали.

Кто-то из соседских мальчишек прознал о том, что утки любят ракушки, которых в реке было видимо-невидимо. Они водились недалеко от места купания местной детворы, особенно там, где начиналось иловое дно. Наличие мидий считалось показателем чистоты, поскольку моллюски фильтруют воду, в которой живут. Именно это и вызывает споры о

благоразумности применения морских, а тем более речных мидий в пищу.

Ребята собирали их в большом количестве и выбрасывали на берег. Дома вскрывали раковины ножом, мясо моллюска отдавали уткам, которые дрались из-за каждого кусочка. Кто бы мог подумать, что утиное лакомство – это речные мидии, которые наравне с морскими подают сегодня в ресторанах. Большое количество отходов позволяет считать блюдо деликатесом.

В родительском доме посередине стояла огромная русская печь, которая обогревала сразу четыре комнаты: спальню, большой зал, где Степановы любили принимать гостей, детскую и гостиную. Были и хозяйственные пристройки – кухня, небольшая ванная комната и, конечно, подвал. Здесь зимой хранили солёные помидоры, огурцы, грибы. В углу стояла большая кадушка с квашеной капустой, переложённой упругими половинками кочанов и яблоками. Чаще всего это была ароматная антоновка. Люда с интересом наблюдала, как мама готовила бочку для солений. Она в печи нагревала до красноты железную болванку, а затем доставала раскалившуюся добела ухватом и опускала в кадушку с водой. Что тут начиналось!!! Вода кипела, шипела ... Бочка ходила ходуном – так чистили ёмкость, чтобы капуста или мочёные яблоки в ней не портились.

В подвале на деревянных полках стояли банки со свиной тушёнкой. Здесь же хранились компот и варенье – из мали-

ны, смородины, яблок, сливы и вишни. Все заготовки – мамина гордость. Она в округе слыла хорошей хозяйкой. Полакомиться её солёными огурчиками приходили все соседи.

Вскоре с русской печью пришлось расстаться. Технический прогресс – появление парового отопления – да и досадный случай, который произошёл, когда папа остался вместо мамы на хозяйстве, приблизили этот момент. Уложив дочерей днём спать, он растопил печь, приготовил обед. Чтобы тепло «не вылетело в трубу», закрыл задвижку. Обычно Лена с Людой спали полтора часа. Но только не в этот раз. Когда прошли все сроки, отец забеспокоился.

– Пойду, проверю, с чего они так крепко спят?! – недоумевал он. Дочери лежали под одеялом без движения, бледные и, как тогда показалось отцу, бездыханные.

– Угорели! – промелькнуло у него в голове – видимо, я рано закрыл задвижку в печи, и в комнату просочился угарный газ.

Отец быстро распахнул окна, одел детей в шубы и вынес на улицу. Он не на шутку испугался: повёз их на горку, которая находилась недалеко от покрытой льдом реки, покататься на санках. С каждой съезжал по несколько раз в надежде на то, что свежий морозный воздух скоро приведёт дочерей в чувство. И только когда он увидел на щеках дочерей лёгкий румянец, вздохнул с облегчением – беда миновала.

С появлением парового отопления нужда в русской печи отпала. Но возникла другая забота – топить котёл, кото-

рый почему-то часто «капризничал». Только спустя некоторое время Люда узнала про маленькие хитрости, «укрошающие» большой чугунный котёл местного производства – Кировского чугунолитейного завода. В нём было несколько дверец. Самое маленькое – прикрывало поддувало или зольник. Чуть больше – пространство, куда закладывались береста, бумага и мелкие щепки для розжига, третья дверца прикрывала пространство, куда помещались дрова и уголь. Изучив, на первый взгляд, нехитрую грамоту, Люда как заправский кочегар принялась за дело. Нарезала ножом березовых лучинок, уложила их так, как показывал отец, под них – старые газеты. Чиркнула спичкой – пламя объяло щепочки.

– Нужно поймать момент, когда подкладывать дрова следует, – подсказывал папа, наблюдавший за действиями дочери. – Раньше положишь, пламя быстро погаснет из-за недостатка кислорода, позже – щепка успеет прогореть. Ничего страшного, если первый раз не получится, – успокаивал он. – Даже у взрослого не всегда с одной спички растопить котёл получается ...

Когда маленькая хозяйка, так иногда называл её отец, впервые самостоятельно разожгла котёл, очень обрадовалась.

– Скоро в доме станет тепло и уютно, – довольная собой, сообщила она родителям.

– Молодец! – похвалил папа. – Я теперь спокоен: не замёрзнете!

Котёл в холодное время года приходилось топить каждый день. Под утро батареи остывали, и всё приходилось начинать заново: выгребать из поддувала золу, предварительно смочив её водой, чтобы пыль не распространялась по кухне. Люда в этот момент всегда вспоминала сказку о Золушке, которая топила печь. Как и она, перепачканная, по-другому не получалось, выходила за щепками и берёзовыми дровами во двор. Это были деревянные отходы, которые отец выписывал в тарном цехе завода. Чтобы зимой было тепло, требовалась большая грузовая машина угля. Каждую осень, когда выпадал снег, Лена с Людой возили на санках кокс или антрацит в сарай и аккуратно складывали деревянные обрезки в поленницу.

– Девчата, вода закончилась, – говорила мама, давая понять, что настало время ехать на колодец. Сёстры грузили на железные санки, которые отец сделал на заказ, 25-литровую алюминиевую «молочную» флягу и ехали метров шестьсот в сторону реки Песоченки, где находился колодец. Студёная родниковая вода обжигала руки, если лилась мимо ёмкости, и на глазах превращалась в лёд. Пить такую воду доставляло отцу истинное наслаждение. Даже с появлением колодца во дворе дома девчата редко, но всё-таки продолжали ходить на родник.

Частный дом отнимал много сил и времени. А ещё больше – сад и огород. На двадцати четырёх сотках располагались хозяйственные постройки, деревья и кустарники, овощные

грядки, ягожник. Каждую весну и осень площади, отведённые под картофель, удобрялись и перепахивались.

Иван Михайлович Малахов, единственный во всей округе конюх, в сезон был нарасхват. Несмотря на то, что в конце улицы Чапаева жили оседлые цыгане, у которых в каждом дворе было по лошади, обращались за помощью к нему. Он и плуг крепко держал, и борозду ровную делал. Только со годами, когда силы в руках поубавилось, «сдавал в аренду» своего гнедого. Отец вначале со страхом, а потом с азартом брался за обработку земли. Как маленький ребёнок радовался, когда получалось конём управлять и за плугом ходить. Девочки любили кормить огненно-рыжего красавца.

– А он не лягнёт? – интересовалась Люда, прежде чем подойти к нему.

– Ты вначале поговори с ним, – советовал отец, – и сразу поймёшь. – Все животные чувствуют доброту.

– Ты – мой хороший, – преодолевая страх, девочка приблизилась к коню. – Я тебе сахарку принесла!

Он посмотрел на неё, как ей показалось, приветливо и продолжил щипать сочную травку. И только когда мотнул длинным хвостом, Люда, испугавшись, отскочила в сторону.

– Не бойся! – закричал отец, – так он назойливых мух и слепней отгоняет. Дочь сделала ещё одну попытку.

– Папочка, посмотри, взял кусочек, – она почувствовала прикосновение к руке больших влажных губ и с благодарностью посмотрела на крепкого коня.

Свободное от учёбы время девочки проводили на огороде. Лена не любила «сидеть» на грядках и находила тысячу причин, чтобы увильнуть от работы. Она любила читать.

– Опять с книжкой, – сердился отец, увидев старшую дочь на террасе. – Лёжа читать нельзя, зрение портишь, – сокрушался он.

Лена вставала с удобного кожаного дивана, делая вид, что замечание возымело действие. Младшая дочь всегда выполняла то, что требовали от неё родители, даже если это ей не нравилось. Она могла долго упрямиться и плакать, что-то доказывать, но в итоге выходило по-отцовски. Лена, наоборот, создавала иллюзию повиновения, но всё делала по-своему. Ей почему-то это удавалось.

Люда любила копаться в земле. Только выращивать хотела не помидоры и огурцы, а цветы.

– Какой толк от ваших цветов? – спрашивал у дочери отец. – Помидоры и огурцы можно есть свежие или засолить на зиму, – агитировал он за овощи.

– Хочется, чтобы в палисаднике было красиво! – парировала младшая дочь.

Она всегда сожалела о том, что не только папа, но и мама не разделяли её романтических настроений. Ей хотелось вырастить редкие сорта гладиолусов и георгин, чтобы первого сентября подарить своей любимой учительнице. И однажды это случилось.

2. Бабушка Катя

В детстве его звали Егоркой, мама – Екатерина Ивановна Степанова (бабушка Люды по отцовской линии) – называла уменьшительно-ласкательным именем, которого не было даже в толковом словаре, – Горюнчиком, Горюшкой или Горемыкой. Видно, в корне этого имени крылась непростая доля женщины, которая одна воспитывала сначала десятерых, а потом восьмерых детей.

Муж Тимофей Семёнович Степанов погиб в Великую Отечественную в Ленинградской области. Только в год 70-летия Победы тётя Тася (младшая папина сестра, единственная, кто останется из их большого семейства) получит справку из военкомата с датой смерти и местом захоронения своего отца: «Рядовой Тимофей Семёнович, 1898 года рождения, стрелок 265 сд 951 сп – убит. Дата первого захоронения – 20 февраля 1944 года в деревне Мясково Уторгошского района Ленинградской области. Был призван Кировским РВК Смоленской области (ныне Калужская область), жена – Екатерина Ивановна.

Под номером семьдесят четыре, а всего девяносто три воина, значится фамилия деда. Братское захоронение расположено в деревне Гора в девяти километрах от железной дороги станции «Уторгош», в сорока пяти километрах от районного центра посёлка городского типа Шимск и почти в ста километрах от Великого Новгорода. Гранитный обелиск высотой два метра с надписью: «Вечная Слава героям,

павшим в боях за советскую Родину» установлен в 1962 году. На бетонной плите написано: «Никто не забыт, ничто не забыто», на ней – три металлические пластины с фамилиями захоронённых. Благодаря жителям деревни Гора и Администрации Уторгошского сельского поселения, захоронение сохранено, имена все известны и увековечены, здесь всегда лежат цветы. При поступлении в вуз на вопрос, почему выбор пал на Ленинград, сестра гордо отвечала: «Там сражался и погиб мой дедушка».

Самый старший сын – Николай Тимофеевич – пропал без вести в 1942 году. Ещё один – Григорий – умер одиннадцати дней от роду, Иван (в его честь назовут ещё одного сына) – в пять лет. Сказались тяжёлые военные годы. Однажды Люда услышала, как отец рассказывал про своё детство. Их называли детьми войны. В 41-м им было по 10-13 лет. Напуганные, голодные, они жили в землянке, где могли спрятаться от фашистов, которые сначала угощали пацанов шоколадом, а потом строчили из автоматов в воздух, чтобы напугать и без того перетрусивших мальцов. Ребята разбегались в разные стороны и долго не могли прийти в себя ...

– Чувство голода давало о себе знать: ценилась каждая крошка хлеба, – рассказывал отец. – И чтобы хоть как-то прокормиться, мы срывали едва появившуюся на грядках зелень и жадно ели её.

Сама бабушка Катя была единственным ребёнком у своей матери. По рассказам родственников, правда или нет, праба-

бушка Люды прислуживала в одной богатой семье. У неё так же, как и у персонажей «Тихого Дона» Аксины и молодого пана Листницкого, некоторое время был роман с гостившим у них этническим немцем. А через девять месяцев на свет появилась Катя.

Девочка росла способная. Услышав однажды, как поёт деревенская красавица, соседи посоветовали отвезти её в Подмосковную Апрелевку и отдать в народный хор. И кто знает, как сложилась бы судьба девушки, если бы не решение матери оставить Катю в деревне.

– Пением семью не прокормишь, – решила она.

Катя долго плакала: она мечтала о городской жизни, о сцене, но послушаться не посмела. Так и осталась дома: вела хозяйство, пряла, ухаживала за скотиной и слыла первой певуньей на деревне. Частушки и русские народные песни в её исполнении были всегда лучшим подарком для гостей.

– Запоёт, заслушаешься, – рассказывала её дочь Маруся. – В каждой песне – едва уловимая грусть о безвозвратно ушедшей молодости. И только когда Екатерина Ивановна вышла замуж, перестала мечтать о карьере певицы и посвятила себя детям.

Большая семья жила в небольшой деревеньке из пятнадцати дворов, и называлась она Пескари. С ними у отца были связаны самые трогательные воспоминания. Нежную любовь к родной деревушке он смог передать и маленькой Людмилке, которую часто оставлял в ней. Чуть позже она узнала, от-

куда взялось такое название. Оказывается, в местной речке водились лещи, небольшие окуньки и пескари. По вечерам, когда вся деревня собиралась у костра, рыбёшку жарили в молоке на огромной чугунной сковороде. Запах разносился по всей округе. Деревенские уже знали: приехал Георгий, а значит, музыке и песням не будет конца до самого рассвета. Бывало, мужики с посиделок сразу уходили на покос и трудились, пока не высыхала роса.

Отец был любимцем у деревенских. Музыкант-самоучка, он всегда привозил с собой аккордеон, редкий по тем временам инструмент, осторожно доставал его из футляра ... Уже по первым аккордам все узнавали знаменитую «Цыганочку» с выходом. Люда не сомневалась в том, что сейчас её обязательно попросят станцевать и так, как только умела она: по-детски азартно. Женщины хлопали в ладоши и пускались в пляс. А уж под «Барыню-сударыню», казалось, плясала вся деревня. Разудалые частушки знали от мала до велика. Отец всегда был душой компании. К нему тянулись люди.

3. Пескари

Поездки в деревню для Люды всегда были желанны. Как только отец заводил разговор о Пескарях, она начинала собирать свои платья, укладывала куклу и уже представляла, как встретится с любимой бабушкой Катей, дядей Лёней, тётушкой Таней, двоюродными братьями и сёстрами. В семье

росли пятеро детей: Галя, Нина, Наташа и двойняшки Алёшка и Юра. Они жили в большом (как ей тогда казалось) деревянном доме. В нём всегда пахло свежее испеченным хлебом, который искусно пекла тётя. Люда с интересом наблюдала, как из большой кадушки она доставала ноздреватое тесто, быстро делала кругляши и выкладывала их на огромные сковороды. В центре дома находилась большая русская печь. В ней варили и пекли, сушили в печурке чулки и варежки, а к вечеру, когда она слегка остывала, спали. Поэтому деревенские почти никогда не жаловались на простуду.

Для детворы печь была самым любимым местом. На ней прятались от родителей, если набедокурят, грызли семечки, но больше всего любили смотреть, как готовят обед и накрывают на стол, за которым могли поместиться человек десять. Всё, что варилось в печке, всегда было вкусно. Суп готовили на обжаренных кусочках сала, добавляли картофель, укроп и свежие белые грибы, зимой – сушёные. Выложенное горкой и смазанное яйцом для образования румяной корочки, картофельное пюре было самым любимым блюдом в большом семействе. К нему обычно тётя Таня подавала топлёное молоко с хрустящей пенкой, на которую претендовали двоюродные братья. Но они всегда уступали её, чему несказанно радовалась городская гостья.

В доме всегда кипела работа. Ранним летним утром, когда наступала пора ягод и грибов, дети уходили в лес. Под землянику и чернику брали с собой бидоны и ... вёдра.

– Зачем тебе ведро? Не соберёшь ведь?! – подшучивали над Людой мальчишки!

И каково же было их удивление, когда она заполняла не только свою ёмкость, но ещё им умудрялась помочь. Потом братья делали кузёмки, собирали в них ягоды, а уже по дороге домой уплетали их за обе щеки.

Девочке не терпелось быстрее прийти домой и насладиться запахом земляники. Когда её высыпали на стол, чтобы освободить от листочков и травинок и другого лесного мусора, в доме собирались все, чтобы посмотреть на богатый урожай и послушать смешные истории. Например, как Алёшка в бидон положил маленького лягушонка, чтобы рассмешить Люду. Всем было весело, но только не ей.

От смешения земляничного аромата и запаха мёда (дядя разводил пчёл), кружилась голова. Необычные лесные пейзажи, море спелых ягод, разноцветье дикорастущих трав Люда видела уже во сне.

Большую часть времени она проводила в комнате бабушки и помнила здесь каждую вещь. Вызывал восхищение старый сундук, в который ей почему-то всегда хотелось заглянуть. Он поражал её своими размерами. Небольшой шкаф для посуды, стол, самодельные табуретки, большая кровать с матрасом на пружинах. Она очень любила поваляться на нём. В центре комнаты стояла печь, в углу под потолком висела икона, перед которой всегда горела лампадка. Для чего, Люда не знала, но понимала: так надо.

Скучать в деревне не приходилось. У каждой семьи было большое хозяйство. У бабушки Кати – овцы, корова, а ещё – шесть курочек-пеструшек и разноцветный петух с перламутровыми перьями. Молоко, сметана, яйца, творог и сливочное масло по вкусу не шли ни в какое сравнение с магазинными. Внучка внимательно следила за тем, как бабушка тщательно взбивала и вымешивала в чугушке сметану, со временем та превращалась сначала в густую массу, а после охлаждения – в жёлтое топлёное масло. На нём бабушка пекла в печке блины, большие и румяные, вкуснее этого лакомства не было ничего на свете.

Рано утром деревня пробуждалась от ударов хлыста – так пастухи собирали коров и овец в стадо, чтобы отогнать его на далёкие заливные луга. В больших и длинных плащах, в огромных сапогах, четырнадцатилетние подпаски напоминали великанов. Они лихо управляли стадом, каждая корова или овца знала своё место. Время до обеда пролетало незаметно. Каждый двор готовил пастухам еду и по очереди относил на пастбище. Пришёл день, когда и Мила с сёстрами отправилась в дорогу. Тётушка упаковала чугунок с картофельным супом, положила жареную плотву, налила большой кувшин квасу ... Казалось, что дороге до пастбища не будет конца, наверное, от того, что Люде доверили нести редкий по тем временам стеклянный кувшин, и она боялась разбить его.

Пастухи ждали деревенских. Именно тогда девочка поня-

ла, как приятно есть на природе. Аппетитный запах супа не давал покоя. Ей почему-то сразу захотелось отведать его, и она стала пристально следить за пастухом, который, не спеша, ел суп деревянной ложкой, чтобы не обжечься. Заметив взгляд малышки, подпасок предложил ей попробовать похлёбки – незатейливо приготовленный суп у деревенских. С тех пор Люда использовала любую возможность, чтобы есть только на природе.

В Пескарях у неё было ещё одно любимое занятие – смотреть, как дядя Лёня валяет валенки. Ей не верилось, что их можно сделать своими руками. В предбаннике, в помещении, где обычно раздевались, лежали тюки овчины, поэтому здесь всегда стоял специфический запах. Секреты валяльного дела знал не каждый, поэтому мастера всегда ценились. Валенки должны быть не только по размеру и форме ноги, но и мягкими, иначе радости такая обувь не приносила. Подошву делали из более плотной овчины, пришивали кожаную заплатку на пятку, чтобы не протёрлась от резиновых калош. Для Люды дядя постарался: сделал валенки с любовью, знал, что будет хвастаться перед городскими. Не у всех были родственники в деревне, да ещё такие рукодельные!

Бабушка учила внучку другому ремеслу. В чулане, небольшой комнатке перед входом в дом, стояла от времени запылившаяся прялка, которую внучке не терпелось достать и привести в действие. Она долго надоедала бабушке, и та сдалась. Наверху, где располагался специальный гребень,

помещали овчину. Чтобы из пучка получить нитку, нужно было надавить ногой на педаль, как в швейной машине, и привести прялку в движение. Работы хватало и ногам, и рукам. Требовалась сноровка.

– Насколько ловко ты будешь работать пальцами, – поучала бабушка Катя, – настолько ровнее получится пряжа. – Я помню случаи, когда пряли до крови на пальцах.

У девочки ровная нить получилась не сразу. Не хватало терпения: то тут, то там появлялись предательские узелки. Она сначала плакала.

– Не так это просто, умильная ты моя, – успокаивала бабушка. – Со временем научишься.

Так оно и случилось. В первый день Люда поранила пальцы. Неделю заживали. А потом – снова к прялке. Настойчивости девочки даже деревенские удивлялись. Отцу, приезжавшему проведать её, такое усердие дочки нравилось.

– Папочка, я научилась! Все шерстяные клубки – мои. Ни одного узелочка нет, – впопыхах рассказывала Мила.

– Старайся и дальше. А главное, бабушку слушайся! – радовался успехам дочери отец.

Освоить работу по хозяйству стало для неё такой же потребностью, как пить и дышать. Люда не давала проходу тётушке, просилась с ней на ферму.

– Далеко, пять километров придётся идти, да и устанешь быстро, – отговаривала она.

– Ну, возьми, тётя Таня, пожалуйста! – клянчила девочка.

– Хорошо, собирайся, – сдавалась она. – Знаешь, где у коровы молоко находится? – шутливо спрашивала.

Люда была готова к любым трудностям: и к дальней дороге на ферму, и к тяжёлой работе доярки. Сёстры рассказывали про болезнь рук, про то, как надо правильно ставить пальцы, чтобы из соска появилось молоко. Девочка впитывала все советы, как губка воду, и старалась успокаивать себя: ей нисколько не страшно, и у нее всё получится.

На следующий день встали ни свет, ни заря. Хотелось спать, но, вспомнив, как братья смеялись над ней, маленькая доярка старалась не отставать от сестёр и тётушки. Она уже не замечала своих любимых васильков, жёлтого и синего люпина, берёзовой роши, которой ещё недавно восхищалась ... Широкая песчаная дорога казалась бесконечной.

Утренняя дойка стала первым для неё испытанием. Большая ферма, запах ... Пахло то ли навозом, то ли кормом, то ли и тем и другим сразу?!

Коровы – особые существа. Это Люда прочитала в глазах Бурёнки и Пеструхи, Милки и Розы – так чаще всего называли коров на ферме. Коричневые, чёрно-белые, встречались и трёхцветные ... К каждой требовался подход. Чтобы корова подпустила к себе, доярка сначала погладит её, поговорит с ней, только тогда своим одобрительным мычанием корова даст знать: можно приступать к дойке.

Тётушка почти сразу предложила подоить. Со страхом девочка подошла к чёрно-белой Лушке, протянула к ней руки

и замерла: подпустит или нет? Судя по всему, Лушка жалилась над маленькой дояркой – стояла, как вкопанная. Та обрадовалась, стала смелее.

– Оботри вымя, смажь соски смальцем . . . – подсказывала тётя Таня, – не бойся!

– Вдруг ей больно будет? – переживала Люда.

– А ты не дёргай за соски, старайся выдаивать молоко, не торопись, – учила опытная доярка.

На ферме Люда пробыла до обеда, вернулась в деревню, упала на сено замертво.

– Ну, что, доярка?! – подсмеивались над ней вечером братья.

– Я завтра снова пойду, ладно? – просила она тётю. Та любила Люду за её доброе сердце, за сострадание к животным, за желание трудиться не покладая рук.

– Может, ты и жить в деревне останешься? – не унимались братья.

– Я у папы спрошу, может, он позволит?! – не сдавалась кузина.

Люда с особым трепетом рассказывала маме, когда возвращалась в город, про сеновал.

– Мамочка, я так люблю спать на сене. Оно такое душистое! И сны там снятся хорошие, – спешила описать все прелести сеновала дочка. – Мы спали в платках, чтобы стерня ухо не поранила.

А просыпались дети от непонятного шума – то ли от до-

жды, то ли потому, что находившаяся под ними корова Пеструшка оправлялась. Деревенские любили прыгать в душистое сено, которым набивали сарай почти под самую крышу. Дух захватывало от таких полётов. Кто не боялся, тот мог смело кататься на тарзанке. Так называлось нехитрое приспособление (длинная крепкая верёвка с палкой), на котором можно было пролететь над обрывом или над речкой. Если бы не мальчишки и их дурацкие насмешки, городская ещё долго не решилась бы прыгнуть.

– Мамочка-а-а, помоги мне, я боюсь! – кричала Люда, когда, пролетая над рекой Неполоть, ей вдруг становилось страшно.

– Не бойся, – подбадривали ребята. – Это только первый раз боязно! – успокаивал Алёшка с присущим только ему нежностью и сочувствием к двоюродной сестре.

На ферму кузина ходила несколько дней, пока её помощь не потребовалась в домашнем хозяйстве. Земли у каждой семьи было хоть отбавляй! Картошку сажали всей деревней. Но когда наступала пора окучивать, рассчитывали только на себя. Опахивали на лошади, детям оставалось только присыпать землю к стеблю – как потом объяснили взрослые, для лучшего клубнеобразования.

Урожай собирали отменный. Свёкла, морковь, огурцы и помидоры, лук – всё своё. Выращивали пшеницу на хлеб и овёс, которым кормили лошадь. Недалеко от дома, где гостила Люда, находилась конюшня. Здесь давно не держали

лошадей, но всё говорило о том, что когда-то деревенские мальчишки заботились о статных и красивых жеребцах, ходили в ночное, сидели у костра и рассказывали страшные истории. Постройка постепенно пришла в негодность: сначала здесь хранили сено, а потом и вовсе забросили. Полуразрушенный сарай стал любимым местом для ребячьих забав.

Мила не всегда водилась с мальчишками. Она часто уходила под горку к заброшенному колодцу с ключевой водой, над которым склонялась старая черёмуха. В начале мая, когда наступал период цветения, приятный запах долго не отпускал девочку. Она хотела увезти с собой в город хотя бы частичку этого волшебства. Но со временем цветы превращались в блестящие чёрные ягоды, которые бабушка Катя собирала, сушила, а зимой заваривала целебный чай. В чулане на стене висели пучки сушёной травы, о свойствах которой знала только она.

Недалеко от колодца находился погреб. В нём всегда было прохладно, здесь стояли кринки с молоком. Висели под потолком куски сала и солонины, оставшиеся с зимы бочки с огурцами и квашеной капустой.

Люда чаще других братьев и сестёр бывала в Пескарях. Зимой, когда её не с кем было оставить дома, отец отправлял в деревню, к своей матушке. Бабушка Катя всегда радовалась появлению внучки. Она ждала её в любое время года. Девочка хорошо помнила момент встречи.

– Бабулечка! – восклицала она и бросалась к ней на шею.

Та сидела на полу, на пёстрых, сотканных своими руками, половиках и обязательно что-то шила или вязала. На голове у неё был повязан (так делали только деревенские) платок, на носу очки . . . Она напоминала ей старую знакомую – добрую фею, которая только что вышла из прочитанной сказки. Именно это и скрашивало момент расставания с отцом, которого дочь с неохотой отпускала в город.

Однажды папа привёз её в деревню ранней весной или поздней осенью, она точно не помнила. Ночью ударил мороз, земля покрылась тонкой корочкой льда. Добраться до железнодорожной станции в сапогах из кирзы было невозможно. Отец сделал шаг-второй и упал. На помощь пришла его матушка, она отличалась в деревне сметливостью. Про таких на Руси говорили: голь на выдумку хитра. Взяла толстую крепкую верёвку из лыка, крест-накрест обвязала подошву, и, к удивлению Георгия, сапоги, которые теперь больше походили на лапти, перестали скользить.

– Папочка, приезжай скорей, я буду скучать, – едва сдерживая слёзы, просила дочь.

Она крепко обнимала его, целовала и бежала за ним по дороге, пока тот не скроется из виду. Чтобы как-то утешить её, отец оставлял большой кулёк недорогой карамели – «лимончиков», которые очень любили дети. За прилежность и послушание бабушка выдавала Люде по несколько конфет. Но однажды ей так захотелось сладенького, что она не удержалась, забралась в шкаф и съела почти полпакета. К вечеру

у неё «заныл» зуб, от невыносимой боли девочка не находила себе места.

– Не надо без спросу брать конфеты, – причитала в сердцах бабушка Катя. – Сейчас я тебе отвар валерианы сделаю, боль как рукой снимет.

Люда готова была на всё, лишь бы ей стало легче. Она сделала несколько глотков неприятно пахнувшей жидкости, поморщилась и стала ждать.

– Ты лучше пойди, поспи, глядишь, и про боль забудешь, – посоветовала бабушка.

Внучка послушно отправилась спать. Долго вертелась, но через некоторое время бабушка с улыбкой смотрела на неё – уже спящую.

– Намаялась, бедненькая, – шептала она, но та её не слышала. Утром Люда проснулась, как ни в чём не бывало.

– Запретный плод всегда сладок, – напомнила бабушка о случившемся. – Пусть это уроком для тебя будет.

С тех пор внучка если и совершала поступки, то обязательно с разрешения взрослых. Хотя ... но об этом чуть позже.

Люда вместе с сёстрами любила ходить в деревенский клуб – единственное место для развлечений. Готовились на вечеринку основательно. Тётя Таня доставала из сундука кусок ткани и шила обновки для своих дочерей. Юбки в мелкую розочку понравились Люде, и она первый раз в жизни пожалела о том, что с ней рядом не было мамы, которая мог-

ла сшить юбку не хуже. Бабушка Наташа передала дочери секреты швейного дела. В жизни они ей оченьгодились: в семье росли будущие невесты.

– Умильная ты моя! – давай заглянем в сундук, может, там ещё какой материал найдём? – заметив, что девочка расстроилась, предложила тётушка.

– Правда? – обрадовалась она.

– Посмотри, какой лупатый?! – тётя Таня достала кусок ткани с аляповато раскрашенными цветами, сделала несколько стежков, вставила резинку – и юбка готова.

– Примерь-ка, моя умильная, – по всему было видно, что ей самой она понравилась.

В этот момент Люда, худенькая маленькая девочка с огромными глазами цвета оливы и длинными ресницами, напоминала куклу наследника Тутти из повести-сказки Юрия Олеши «Три толстяка». Она стояла посередине комнаты в нарядной юбке и так искренне радовалась, что сёстры забыли про свои обновки. Вскоре довольные и весёлые, они отправились в клуб. Шли по небольшому пролеску несколько километров. Сумерки наступали незаметно, но от страха у деревенских имелось одно верное лекарство – частушки. Галя и Нина пели так, что, казалось, их звонкие голоса слышали в соседней деревне.

Самым неприятным воспоминанием для девочки стали последние дни в Пескарях. Бабушка Катя тяжело заболела, и папа решил перевезти её в Киров: там ухаживать за мамой

проще. Люда обрадовалась: наконец-то бабушка будет жить вместе с ней, но она не подозревала, сколько тревожных минут предстоит пережить им обеим. Как-то вечером она услышала разговор.

– Решение принято, мать поедет с нами, – не терпящим возражения тоном говорил отец.

– Смотри, она всю жизнь в деревне прожила, скучать будет, – возражал дядя Лёня. – Корову придётся зарезать.

От этих слов у Люды чуть сердце не остановилось. Ей стало плохо, она залезла под кровать и уже представляла сцену расправы над её любимой Бурёнкой. Слезы покатались по щекам, но она ничего не могла сделать. В деревне видела, как закалывают поросят. Взрослые старались делать это в отсутствие детей, но иногда не получалось. Разделка туш вызывала у девочки отвращение. Она не понимала, зачем убивают животных?

– Неужели им так есть хочется? – негодовала внучка, обращаясь к бабушке.

– Семья большая, кормить детей надо, – объясняла бабушка Катя, хотя было видно, что и ей это не по душе.

Люда с ужасом ждала дня, когда придётся расстаться с Бурёнкой. Взрослые говорили про какую-то косу. Как потом оказалось, ею в деревне косили не только траву, но и перерезали коровам горло. В день, когда было решено покончить с Бурёнкой, она не вылезала из-под кровати до тех пор, пока взрослые не сообщили, что кормилицы больше нет, и снова

заплакала, вспомнив, как гоняла её в стадо, как доила ...

На следующее утро Люда проснулась без настроения. Взрослые уже суетились, собирали бабушкины вещи, грузили на лошадь, запряжённую в сани, большие куски мяса. Дядя Лёня расстилал тулуп из овчины, чтобы ездоки не замёрзли. Больше всех переживала бабушка. Люда видела, как у неё на глаза навернулись слёзы, и она что-то быстро зашептала, наверное, молитву.

– Но-о-о, милая! – отец дёрнул за уздечку, и лошадь нехотя пошла по направлению к железнодорожной станции.

От деревни до города предстояло проехать двадцать пять километров. По дороге разговорились, папа пытался шутить, чтобы никто не грустил, и уже под вечер сани оказались у знакомых ворот дома, где жила девочка. Увидев маму, она немного успокоилась.

4. Сестра

Сестра всегда оставалась для Люды загадкой, наверное, потому, что не хотела с ней водиться. Разница в три года делала её серьёзной и неприступной. К тому же Лена ходила в школу, о чём маленькая девочка могла только мечтать. Она хорошо помнила, как первого сентября вместе с папой вошла в просторный класс, в котором стояли деревянные парты и пахло свежей краской, увидела у школьной доски сестру с большим букетом осенних цветов – разноцветных георгинов, гладиолусов и махровых астр. На ней была нарядная школь-

ная форма: коричневое платье с белым воротничком, окаймлённым гипюровым кружевом, ослепительно белый накрахмаленный фартук – особая гордость всех девчонок. Завершали ансамбль аккуратно завязанные капроновые банты в косичках. Они тоже были белоснежными. Каждая хотела выглядеть лучше других.

Но Люду больше интересовали новые учебники, которые сестра накануне аккуратно уложила в портфель. Она мечтала о том, что и у неё когда-то будут такие. Чтобы не испачкать книги, Лена бережно обёртывала их пергаментом или газетной бумагой. Люда охотно помогала. Папа видел, как младшая дочь с любопытством рассматривала учебники. Наверное, тогда и родилось желание отдать её в школу, несмотря на то, что ей не было семи лет. Раньше таких маленьких не брали: ни читать, ни писать они не умели. Но ей очень понравилось в школе!

– Папочка, я хочу в первый класс, – стала каждый день приставать она к отцу.

– Ещё рано, а вдруг тебе не захочется учиться, что тогда? – пытался он отговорить дочь.

Но однажды уступил её просьбе. Выбрал день, привёл в школу и попросил учительницу начальных классов Алевтину Семёновну Блохину поговорить с Людой. Та приветливо улыбнулась и повела по большим светлым коридорам, объясняя, что и где находится. Будущая первоклассница была на седьмом небе от счастья. Ей показалось, что судьба её ре-

шена, она скоро сядет за парту и, как сестра, будет учиться. Но Люда не подозревала о том, что отец ходил на приём к директору школы и о чём-то с ним долго разговаривал.

– Вениамин Семёнович, возьмите девочку, не пожалейте! – упрасивал отец. – Она уже умеет читать, считает неплохо, а желания учиться – хоть отбавляй, да и настойчивости не занимать.

Тот, выслушав веские доводы родителя, согласился. Чуть позже папа об этом разговоре расскажет ей и только потому, чтобы та училась хорошо и не подводила ни его, ни директора. Вернулась будущая первоклашка домой в приподнятом настроении. Она что-то напевала, вся светилась от счастья.

– Леночка, скоро мы с тобой вместе будем ходить в школу, – спешила поделиться новостью Люда в надежде на то, что сестра обрадуется.

– Вот ещё! У меня подруга есть. А ты со своими ребятами ходи, с которыми на улице гуляешь! – ответила холодно сестра. Но Люда не расстроилась. В этот день ей трудно было испортить настроение. Она с нетерпением ждала маму с работы: уж та порадует за свою дочь!

Люде нравилось смотреть, как Лена, вернувшись из школы, садилась за маленький деревянный письменный стол, который папа сделал своими руками, раскладывала книги, доставала дневник и начинала что-то выводить. Сначала выполняла домашнее задание по письму (русскому языку), потом бралась за арифметику.

– Не мешай! Видишь, решение задачи с ответом не сходится, – сердилась она на сестру, словно та и впрямь была виновата.

Вечером с Леной занимался отец. Он старался объяснять ей доходчиво, приводил примеры, понятные девятилетнему ребёнку.

– Из пункта «а» в пункт «б», – несколько раз перечитывал отец условия задачи, – выехал велосипедист ...

Люда слушала внимательно, старалась представить человека, который зачем-то выехал из пункта «а» в пункт «б», и ей становилось грустно.

– Какие-то скучные задачки! – пыталась она вмешаться в разговор.

На неё не обращали внимания. Девочка обижалась и уходила в свою комнату. Ей ничего не оставалось, как только мечтать: с кем и за какой партой скоро будет сидеть в классе, какие учителя будут вести уроки, какой предмет понравится больше всего ...

В отсутствие родителей воспитанием Люды занималась сестра, которая рассказывала, что можно было делать, а что – запрещалось, и какое ожидало наказание в случае непослушания. Лена улыбалась редко, наверное, от тяжёлого груза ответственности за младшую сестрёнку. А той – вынь да положь – нужно идти гулять на улицу: мальчишки позвали или на велосипедах кататься, или на железную дорогу.

– Лена, а Лен-а-а, – можно погулять? – клянчила Люда.

Сестру подобные просьбы если не раздражали, то, как минимум, докучали ей. Это означало, что она должна бросить все свои дела и ходить хвостом за маленькой проказницей. Когда сестра отказывала в просьбе, начинались слёзы, и, как правило, сцены заканчивались маленькой «местью»: Люда не давала сестре спокойно делать уроки – дёргала за косы или находила способ отвлечь, чтобы Лена получила за домашнее задание тройку или четвёрку.

Старшая сестра любила командовать. Пойди туда, принеси то – распорядилась она. Люда выполняла все её поручения, но, когда надоедало, бунтовала. Уходила незаметно на улицу искать приключений. А их было хоть пруд пруди. Однажды ребята притащили ржавый точильный станок. Глядя на него, девочка вдруг вспомнила:

– Точу ножи, ножницы, – кричали точильщики, расхаживая по улицам и предлагая свои услуги. Они хорошо знали: острый нож на кухне – вещь для хозяйки необходимая.

Отслуживший станок годился разве что на металлолом. Но мальчишки так не считали. Педаль, от нажатия на которую приходило в движение колесо, была на месте, и даже резиновый ободок сохранился. Детвору всегда привлекало что-то движущееся, крутящееся, особенно если надо было ещё и усилия приложить.

– Давайте раскрутим колесо, – предложил самый старший из соседских мальчишек Гришка, – и будем по очереди палец подставлять, а потом быстро убирать ... У кого не попадёт в

колесо, значит, тот самый ловкий.

Ребята с такой лёгкостью, как потом оказалось, обманчивой, проделывали операцию, что и Люде захотелось попробовать.

– Ай-ай-ай, – закричала она на всю улицу, – её мизинец попал-таки в вертящееся колесо.

Люда плакала от боли, а ещё больше – от обиды: она оказалась самой неуклюжей. Сестра в это время делала уроки и ничего не подозревала. Она и предположить не могла, что скоро будет оправдываться перед отцом за то, почему сестра оказалась без присмотра.

– Папочка, Лена не виновата, я без разрешения ушла на улицу. Не ругай её, – то ли от страха, то ли от возникшего чувства несправедливости закричала Люда. Но всё напрасно. Сестру наказали – поставили на колени в угол. Без вины виноватая, она стойко вынесла испытание, может быть, ещё и потому, что рядом с ней всё это время находилась Люда.

– Лена, тебе не больно? – спрашивала она. – Я попробую уговорить папу, чтобы он больше не наказывал тебя – в её голосе слышались нотки отчаяния: и палец поранила, и сестру подвела. После этого случая Лена долго не разговаривала с ней: никак не могла простить.

– За что меня так? В чём я виновата? – жаловалась она маме.

– Не обижайся, дочка, папа погорячился: сильно за неё испугался, – мама с укором посмотрела на Люду. – А ты веди

себя прилежно, слушайся старшую сестру! – строго сказала она младшей дочери.

– Хорошо, – промямлила та, – и посмотрела на Лену с мольбой о прощении.

Но это был не единственный эпизод, из-за которого пострадала сестра. Люда не раз подводила Лену, но во всех других случаях инициатором безобидных проделок выступала она сама. Девочки украдкой от папы лазили в подвал за мандаринами. Мама в это время сдавала экзамены в Москве, она училась в престижнейшем вузе страны – Первом Московском медицинском институте имени Сеченова (сегодня это университет).

Из-за неподъёмной крышки им не разрешалось забираться туда. Но желание полакомиться было сильнее всех запретов.

– Люда, ты сможешь мне залезть в подвал? – спрашивала сестра.

– А папа?.. – с испугом и в то же время с готовностью помочь отвечала она.

– Мы – быстро, а папа – на работе, – успокаивала Лена, не давая сестре закончить фразу. – Возьмём по два мандаринчика, он и не заметит.

Так дети поступали до тех пор, пока в фанерном ящике не показывалось дно.

– Что мы скажем папе? – спрашивала Люда.

– Не бойся, папа не будет нас ругать! – уверенно отвечала сестра.

Отец догадывался, куда таинственным образом исчезали мандарины. Но лишь журил своих малышей, понимая, что эти оранжевые плоды – слабое им утешение. Мама старалась скрасить их одиночество, находила возможность чаще отправлять посылки с фруктами и конфетами. Маленькая с нетерпением ждала, когда отец придёт с почты и откроет фанерный ящик, из которого всегда очень вкусно пахло.

– Ну, что же так медленно?! – думала она про себя.

И вот однажды, когда ей было почти шесть лет, в одном из них она увидела не апельсины и мандарины, а что-то коричневое ... Сердце забилось в два раза чаще.

– Что это? Форма! – воскликнула она. – И портфель здесь! Ура-а-а! – Она принялась разглядывать обновки. Фартук был необыкновенным: с плиссированными крылышками, с необычной формы кармашками ...

– Я пришью красивый кружевной воротник на платье, – размечталась она и уже представила, как пойдёт по школьному коридору и как мальчишки и девчонки будут смотреть на неё ... Портфель тоже был не похож на те, которые продавались в кировских магазинах.

В эту ночь девочке не спалось: эмоции переполняли её. И тут она вспомнила про Лену, которая так и не порадовалась за неё. Сестру больше волновали отношения с подругой или

соседкой Аллой, нежели с ней. Люде было обидно, но, чтобы не ругаться, она старалась никому не докучать. И всё-таки в школу повела её за руку сестра, о чём и мечтала первоклассница. Она шла с гордо поднятой головой, и ей казалось, что за неё радуются все, кто встречался им по дороге. Может, так оно и было. Маленькая с огромным бантом на голове и большим по сравнению с её ростом портфелем, она вызывала умиление у прохожих.

Ещё один забавный случай, за который сёстры понесли наказание, произошёл в июне, когда на грядках только-только начала созревать клубника. Трудно было пройти мимо душистых сочных ягод.

– Лена, посмотри, уже красненькие появились, – Люда осторожно раздвинула кустики садовой земляники, чтобы не повредить их, и показала сестре – дескать, скоро можно будет сорвать ягоды.

– Они ещё зелёные, – категорично заявила Лена и поспешила уйти, чтобы удержаться от соблазна нарвать «зелепух» – так местные ребятишки называли недозревшие плоды.

– Леночка, не уходи! Ты плохо рассмотрела, там есть одна ягодка, совсем зрелая, – не унималась Люда. – Может быть, всё-таки сорвём?! – провоцировала она свою старшую сестру. Лена больше всего боялась пойти на поводу у младшенькой.

– Ну, хорошо, ещё посмотрим! – с неохотой соглашалась

она. Люда чувствовала: сестре тоже хочется клубники.

– Смотри, здесь их много! – радовалась маленькая охотница. Кисло-сладкие «зелепухи» дети любили больше, чем спелые ягоды, наверное, потому что они были первыми после долгой весны.

– Ещё, ещё!.. – перебивая друг друга, восторженно кричали девочки.

Они и не заметили, как подол платья у одной и другой вдруг стал тяжёлым, и ягоды начали падать на землю.

– Лена! – ужаснулась девочка. – Мы почти все «зелепухи» сорвали! Достанется нам от родителей!

– Что-нибудь придумаем, – уверенно сказала сестра, – и тут же нашла решение: спрятать весь урожай садовой земляники в печке. – Там уж точно родители не найдут.

Люда с благодарностью согласилась помочь сестре. Быстро отодвинули заслонку и спрятали ягоды на загнетке. Девочки с облегчением вздохнули и уверенные в том, что их тайник никто не найдёт, принялись мыть посуду. До прихода родителей оставалось часа два – столько, что сёстры забыли про клубнику. Вернувшись с работы, папа, словно ему кто подсказал, зачем-то полез в печь.

– Это что такое? – строго спросил он у дочерей.

– Это я, это мы ... – запинаясь, что-то невнятное произнесла маленькая озорница. – Нам так захотелось клубники ... Не выдержав пристального взгляда отца, она заплакала. Папа, конечно же, простил их.

– Вот заболят у вас животы, придётся пить горькое лекарство, – предупредил он.

Девочки были согласны на всё, лишь бы их не ругали. Однако урок не пошёл впрок. Через несколько дней Люда снова очутилась в огороде. Казалось, ягоды созревали на глазах. Сестру она больше не звала, решила действовать самостоятельно.

– Уж если попадёт, то только мне, – рассудила она и принялась собирать клубнику. Время пролетело незаметно.

– Люда, мама идёт! – крикнула Лена, – спрячься куда-нибудь.

Сестра попыталась задержать маму разговорами хотя бы на несколько минут. Люде этого хватило, чтобы потом её долго искали.

– Ну, куда же ты пропала? – рассердилась не на шутку мама.

Озорнице показалось, что она просидела целую вечность. Страх заставлял провести в месте, где хранились ухваты, несколько часов. И только когда ей сильно захотелось в туалет, она выдала себя. Родители так обрадовались появлению дочери, что забыли про наказание. Папа собрал для Люды несколько ягод поспевшей клубники и протянул ей.

– Возьми, дочка, поешь, но больше так не делай! – пожурил он. – А ты хочешь научиться играть на пианино? – неожиданно спросил папа.

– Конечно! – воскликнула Люда. – Но ведь оно дорого сто-

ит?! – уже с грустью в голосе, но с надеждой произнесла она.

Папа промолчал, но было видно, что он уже что-то придумал.

– Завтра узнаем условия приёма в музыкальную школу! – пообещал отец.

Люда не спала всю ночь. Её одолевали чувства радости и страха. Как примут их в музыкальной школе? А вдруг она не сможет ответить на вопросы учителя или окажется, что у неё нет слуха?

Наутро Люда с папой и сестрой отправилась в центр города. Там находилось неприглядное одноэтажное здание, в котором размещались небольшие классы. В первом – стояли старые фортепиано, во втором – баяны и аккордеоны, в третьем расположились домры и балалайки. Проходя по узким коридорам, будущая ученица слышала, как кто-то разучивает гаммы и исполняет знакомые мелодии. Она тут же представила, как будет сама играть на пианино, петь свои любимые песни и устраивать концерты для своих близких.

Отец давно заметил, что у дочки есть способности к музыке: она хорошо пела и танцевала. Но начало учёбы отодвинулось на долгие три года – в музыкальную школу принимались дети с десяти лет. Чтобы отвлечь дочь от грустных мыслей, отец решил записать Люду в спортивную секцию. Тонкой и гибкой, невысокого роста, девочке предложили заняться спортивной гимнастикой. И она согласилась. Даже расстояние в пять километров от школы, которое предстояло пре-

одолевать три раза в неделю, девочку не испугало. Лена искренне удивилась такой решимости.

– А будешь успевать делать уроки в основной школе? – забеспокоилась сестра.

– Угу! – ответила Люда, не предполагая, каким трудным окажется её путь к успеху. Сколько радостных и горестных минут переживёт она!

5. Характер

В огромном спортивном зале, который находился в здании только что отстроенного городского Дворца культуры, на одной стороне стояло гимнастическое жёлтого цвета бревно, на другой – двухуровневые брусья, кожаные «козёл» и «конь» для опорных прыжков, в углу висел толстый и прочный канат, на полу лежали неподъёмные чёрные и коричневые маты.

Первоклассница поначалу струсил: гимнастические снаряды напоминали ей больше приспособления для пыток. Да и общение с незнакомыми девочками давалось с трудом: на улице её друзьями были только мальчишки, поэтому первое время она чувствовала себя не в своей тарелке. Иногда появлялось желание оставить занятия.

– Не бойся, у тебя всё получится! – заметив смущение юной гимнастки, старалась успокоить тренер Раиса Николаевна Ким.

– У меня нет купальника, – выдавила из себя девочка. – И чешки негде купить.

За подобными вещами кировчане, впрочем, как и все жители провинциальных городов, у кого была возможность, ездили в Москву. Первый гимнастический костюм мама сшила из папиной майки, перекрасила его в чёрный цвет, и уже на следующее занятие Люда пришла, как и другие её сверстницы, в купальнике. Купить чешки, белые гольфы и носочки попросили своих знакомых, которые часто ездили в столицу. Через некоторое время у дочери было всё, что требовалось, – и чешки, и настоящий костюм.

В спортивной секции Люда занималась три года, пока не произошёл конфликт с Раисой Николаевной. Юная гимнастка подавала большие надежды: легко садилась на поперечный шпагат, считавшийся верхом мастерства, бесстрашно крутилась на верхней перекладине брусьев, чётко выполняла опорный прыжок. И хотя упражнения на бревне ей удавались, самый сложный в гимнастике снаряд она не любила, потому что с трудом удерживала равновесие. К тому же выступление на бревне требовало точности движений, собранности и сосредоточенности, которых так не хватало маленькой гимнастке.

Раиса Николаевна полюбила способную девочку как родную дочь. Люда порой не могла дождаться, когда же закончатся уроки в основной школе, и она снова очутится в спортивном зале. Перед началом занятий гимнастики любили на-

блюдать за тренировкой тяжелоатлетов, которые зачем-то подходили к большой ёмкости с белым порошком, опускали в неё ладони, делали несколько движений и только тогда поднимали штангу. Как потом оказалось, сухая магнезия была необходима и для выполнения гимнастических упражнений. Люда часто возвращалась с тренировок в одежде, пересыпанной белым порошком, но не расстраивалась.

– Всё равно стирать, – успокаивала она маму и решительно бросала вещи в таз с водой.

Папа всегда интересовался успехами дочери: всё ли получается, нужна ли помощь? Девочка охотно рассказывала про тренировки, про свои достижения. Но однажды произошёл конфликт, в котором, к удивлению родителей, она повела себя как взрослая, умудрённая жизненным опытом.

Как-то Раиса Николаевна попросила учениц заполнить анкеты: указать фамилию, имя, отчество, год рождения, адрес и принести их на следующее занятие. Люда сделала всё, как она велела, но, чтобы листок не помялся, положила его между школьными наглядными пособиями, которые стопкой лежали на большом прямоугольном столе в группе продлённого дня, и ... забыла взять с собой.

– Девочки, принесли анкеты? – ещё в раздевалке спросила Раиса Николаевна. – Если нет, можете не переодеваться, на занятия не пушу.

Люда сердцем почуяла что-то неладное, высыпала содержимое портфеля на скамейку и принялась перетряхивать

каждый учебник.

– Ну, где же анкета? Я же заполняла её?! – девочка заплакала.

– Раиса Николаевна, я забыла анкету в школе, – всхлипывая, произнесла она в надежде на то, что тренер сделает для неё исключение и пустит на занятие.

– Нет, когда принесёшь анкету, тогда и приходи, – слова Раисы Николаевны прозвучали как приговор.

Люда до последнего не верила в искренность сказанного.

– Неужели какая-то бумажка важнее человека?! – этот вопрос не давал покоя девятилетней девочке, которая по дороге домой, решила на тренировки больше не ходить.

Раиса Николаевна и предположить не могла, что может обидеть юное создание. Не увидев на следующих занятиях своей любимицы, она забеспокоилась, пришла в школу, разыскала её и попросила вернуться.

– Нет!!! – теперь уже слова маленькой гимнастки прозвучали для тренера как приговор. Дома Люда рассказала о конфликте с тренером.

– Людей надо прощать, – сказал папа.

– Она не просто человек, она – учитель и не должна так поступать, – безапелляционно заявила дочь.

– Но откуда у столь юного создания взрослая рассудительность? – недоумевал отец.

В этой решимости настоять на своём он узнал себя в молодости и не стал возражать. Мама тоже согласилась с реше-

нием дочери, тем более что гимнастику считала травматичным видом спорта. Раиса Николаевна сделала ещё несколько попыток уговорить девочку, но безуспешно. Больше они не виделись. Через год Люда узнала, что та переехала в другой город.

Когда Люде исполнилось десять лет, папа напомнил дочери о желании научиться играть на фортепиано.

Однажды у дома остановилась грузовая машина. Такой девочки ещё не видели. На платформе стоял папа и что-то придерживал руками. У Люды от волнения дар речи пропал. Она побежала за сестрой, чтобы вместе выйти на улицу и узнать, что происходит. Ещё трое мужчин с толстыми и крепкими верёвками подошли к грузовику, перекинулись друг с другом несколькими словами и принялись за работу.

– Неужели это пианино?! – Люда глазам своим не поверила. – Оно же дорогое?!

– Купили в кредит, – объяснил папа. Дочь мало что понимала в этом, но оценила поступок родителей, которые не пожалели денег на инструмент.

– Только учитеесь! – всегда в подобных случаях говорил папа.

– Ой, папочка, спасибо тебе! А ты кому купил? Мне или Лене? – она с благодарностью смотрела на отца, но ей уже не терпелось музицировать.

Пианино аккуратно занесли в дом, сняли упаковку ... Чёрное полированное, ещё пахнущее свежим лаком, оно пе-

реливалось на солнце. Сёстры подошли к инструменту и, дрожа от страха, прикоснулись к клавишам. Набор звуков не воодушевил их.

– Надо учиться, причём долго, – заметила Лена. – У тебя хватит терпения? – спросила она, обращаясь к сестре.

– Да, – с готовностью преодолеть любые трудности ответила Люда. Тогда и было решено: в музыкальную школу пойдёт младшая дочь.

– Лена, а правда у нас пианино дома лучше, чем мы видели тогда в музыкалке? – пытаюсь скрыть свою радость, обратилась она к сестре.

– Правда, – неохотно ответила Лена, наверное, потому, что никак не могла понять, почему не она пойдёт в музыкальную школу.

Как выяснилось, Лена уже была учеником-переростком. К тому времени она перешла в седьмой класс, а игре на пианино обучали семь лет. Сестра долго переживала, но потом смирилась.

Ещё один случай, который произошёл с Людой в раннем детстве, свидетельствовал о том, что нелюбовь ко всему некрасивому и старому она впитала с молоком матери. В один из летних месяцев, когда младшую дочь в очередной раз не с кем было оставить дома, отец решил купить путёвки в заводской пионерский лагерь «Чайка». И хотя он находился всего в нескольких километрах от дома, Люде идея не понравилась.

– Не бойся, мы всегда будем вместе, – понимая необходимость отъезда, принялась уговаривать сестру Лена. – Там будет весело, вот увидишь!

Люда доверяла сестре и, немного покапризничав, согласилась. Она плохо представляла, что такое лагерь, но, когда увидела маленькие симпатичные деревянные домики в сосновом бору, захотела остаться. Им предстояло провести здесь чуть меньше месяца – столько длилась одна смена. Люду определили к самым маленьким, Лену – в отряд для детей постарше.

– Вот тебе и вместе! – расстроилась она, и загрустила. Желание вернуться домой стало ещё сильнее, когда девочка увидела, где ей придётся ночевать.

– Не буду на такой кровати спать! Она старая, с облезлой краской, – неожиданно для всех запротестовала Люда. Позвали пионервожатую.

– Хорошо, мы поменяем, не плачь! – успокаивала она раздосадованную малышку.

Люда перестала рыдать, только когда увидела Лену. А через день-два она уже смело расхаживала по территории лагеря и помогала выкладывать из разноцветных камешков эмблему отряда. Каждое утро с речёвкой все выходили на пионерскую линейку.

– Раз, два! – начинал командир отряда.

– Три, четыре! – отвечали ему ребята.

– Кто идёт?

– Отряд здоровых, смелых и весёлых задорных друзей. – Начиналась переключка, и длилась она нескольких минут.

– Раз, два!

– Три, четыре!

– Твёрже ногу.

– Чётче шаг, юных ленинцев отряд!

– Мы здоровье сохраним, – утверждал командир, – мы здоровьем дорожим!

– И даём мы всем рецепты, как здоровье сохранить, чтобы бодрым и весёлым нам до старости прожить, – подхватывал отряд.

Люда не понимала надобности в речёвках, но маршировать с ними было веселее. Командир отряда сдавал старшему пионервожатому рапорт – так начинался новый день.

Инцидент с кроватью был не единственным. Девочка оказалась привередой в еде. Всё, что предлагали в столовой, ей не нравилось. Она привыкла к домашней пище, которую готовила для неё мама. Да и та не всегда угождала дочери: Люда не ела мяса и всё, что готовилось из него. Когда мама уез-

жала на сессию, чаще всего дочь просила отца пожарить яйцо в небольшом фарфоровом блюде с цветочком. Тогда не было газа, варили и парили на электрических плитах с закрытой спиралью, поэтому уходило много времени. Но отец старался исполнить любую прихоть дочери.

– Папочка, а почему на дне блюда нет цветочка?! – расковыряв яичницу маленькой вилочкой, разочарованно спрашивала она. Тот не находил, что ответить.

– Это каприз или эстетическое чувство? – пытался понять отец. – Если каприз, то стоит ли ему потакать? А если эстетическое чувство? Тогда его нужно развивать!

Люде не нравились каши с сливочным маслом, кисель и молоко – потому что с пенками, суп или борщ с жирным мясом. В пионерском лагере её отучили капризничать. Не поев день-два, голодная, она пришла в столовую просить чёрного хлеба, посыпанного сахарным песком. А через несколько дней ела всё, что предлагал повар.

Пока мама была в Москве, на хозяйстве оставался отец.

– Месяц-полтора пролетят незаметно, – успокаивал он себя, – как-нибудь справлюсь.

Готовил еду, заплетал старшей косы, завязывал бант младшей.

– Смотрите, не каждая женщина так сумеет?! – удивлялись соседи.

Папа в то время работал в заводской пожарной части. Ночами дежурил. Если не было выездов, вязал, на удивление

всем, шерстяные носки для дочек (в детстве этому рукоделю его обучила мама), а днём присматривал за домом и за детьми. Давалось это мужчине тридцати шести лет нелегко. Печь приходилось топить, домашний скот кормить, но отец не роптал. Он мечтал, чтобы жена получила высшее образование. А там, гляди, дело и до него дойдёт. Даже работа ему помогала в этом. Уходя на дежурство, укладывал дочерей спать: привязывал к кровати концы большого ватного одеяла, чтобы не раскрывались и не мёрзли. Как-то зимой, возвращаясь после очередной смены, отец увидел в окне собственного дома чей-то силуэт. Сердце забилося чаще.

– Неужто кто-то забрался? – испугался он и прибавил шагу.

Уже подходя к дому, рассмотрел в окне Люду. Она стояла на подоконнике в полный рост и смотрела вдаль, пытаясь разглядеть в темноте знакомую фигуру своего любимого папы. Увидев его, дочь ловко спрыгнула и побежала открывать дверь. Они встречались, словно после долгой разлуки. Когда папа работал в дневную смену, она утром обязательно провожала его: крепко обнимала и по-детски целовала три раза в щёку. Видимо, поэтому отец часто уходил на работу в приподнятом настроении. Но однажды мама не стала будить дочь в столь ранний час.

– Уж очень сладко спит, – подумала она, – ничего не случится, если один раз не проводит отца на дежурство. Но потом об этом сильно пожалеет.

Светало. Люда проснулась и почувствовала что-то неладное. Осмотрелась – папы не было. Со словами, почему меня не разбудили, она быстро накинула пальтишко и – бегом на улицу.

– Папа уже далеко, ты его не догонишь, – пыталась остановить её мама. Но она уже ничего не слышала. Люда быстро взбежала на мост и – о, чудо! – увидела уже поднимавшегося в гору отца в чёрной длинной шинели. Заметив дочь, он быстрым шагом пошёл ей навстречу.

– Папочка, миленький, ну, почему ты меня не разбудил?! – с укором спросила Люда. Обливаясь слезами, она принялась целовать его, как будто прощалась надолго.

– Мама пожалела тебя, ты так крепко спала! – успокаивал её отец. – Беги домой, простудишься.

Дочь с чувством исполненного долга помахала ему рукой и, довольная, побрела назад.

6. «Макаренко»

Так называли отца все, кто близко знал его. Имевший за плечами четыре класса начального образования и три – школы рабочей молодёжи, он не переставал учиться сам, учил детей и родню. Тяга к знаниям сравнивалась с желанием дышать. Заметив такое качество, директор в виде исключения принял юношу в школу рабочей молодёжи: по сути, из четвертого класса сразу ... в восьмой. «Шаромыга» (в шутку

звали того, кто учился здесь) с благодарностью принимал любое учительское наставление. Не каждый отважится днём работать, а вечером сидеть за партой.

Георгий оказался способным. Помогал сверстникам. Видимо, тогда и закрепилось за ним прозвище «Макаренко». Антон Семёнович – один из четырёх педагогов, определивших способ педагогического мышления в двадцатом веке. Он изобрёл собственную систему воспитания. Папа не читал труды великого педагога, но на интуитивном уровне понимал: не все каноны педагогики того времени приводили к положительному результату.

Папа «поставил эксперимент» на младшей дочери. Первые четыре класса общеобразовательной школы она училась на пятёрки. Иногда появлялись четвёрки. Отец считал, что происходит это из-за быстрой утомляемости ребёнка. Тогда он принял решение – не оставлять Люду на занятия в группе продлённого дня. Для многих родителей такая система была удобной, когда домашнее задание выполнялось в школе, но только не для «Макаренко». Он сделал по-своему, и у него получилось!

– Лена, Люда, ложитесь спать! – объявлял он голосом, не терпящим возражений. Дневной сон, по мнению папы, был универсальным средством для достижения успеха.

– Мозг должен отдыхать! – всегда повторял он, если Люда не желала подчиняться. Папа считал, что с ребёнком обязаны заниматься не только учителя, но и родители. И это он то-

же доказал: когда сестра делала домашнее задание под при-
смотром отца или мамы, она получала пятёрки и четвёрки
и не потому, что ей подсказывали... Непонятное в условии
или решении задачи терпеливо объяснялось. И так – во всём.

– Вы должны всесторонне развиваться, – утверждал папа,
когда звал девочек на каток.

Младшая дочь в отличие от старшей легко соглашалась –
в готовности идти за отцом ей не было равных. Каток в про-
винциальном Кирове с хорошим ледовым покрытием, музы-
кой и освещением находился в центре города, поэтому вы-
бираться туда удавалось нечасто. Выручала замёрзшая река
Песоченка, в двухстах метрах от дома. Детвора использовала
любую возможность покататься здесь до первого снега. На
сборы уходило несколько минут. Лена и папа доставали свои
коричневые и чёрные коньки, Люда – свои «снегурочки», од-
нополосные коньки, привязанные к валенкам.

– Поедем до Нижнего и назад? – спрашивал папа в оче-
редной раз, проверяя готовность дочерей провести на све-
жем воздухе часа два-три.

– Люда выдержит? – переживала сестра.

– Мы ей поможем! – сказал и при этом хитро улыбнулся
отец.

– Но как? – сгорали от нетерпения девочки.

Папа подъехал к берегу, нашёл крепкую длинную палку и
вернулся.

– Люда, держись за середину, а мы с Леной – по краям.

Так и поедем.

Выглядело смешно, как в рассказе Всеволода Гаршина про «Лягушку-путешественницу». Проехав несколько километров, розовощёкие и довольные, возвращались домой.

Отец настолько увлёкся выработкой собственной системы воспитания, что не заметил, как стал постоянно выступающим на общешкольных родительских собраниях. Дома он всегда тщательно готовился: подолгу сидел за большим круглым столом в зале (самой большой комнате), подперев голову руками и нервно теребя густые тёмные волосы. В такие минуты его старались не отвлекать и не задавать глупых вопросов. Но любопытство младшей дочери не знало границ.

– Папочка, ну, покажи, что ты там пишешь? – канючила она.

– Ты мешаешь мне сосредоточиться! – сердился отец.

– Какой у тебя почерк красивый! Прописные буквы с завиточками ... – не унималась дочь. Она знала: стоит похвалить кого-нибудь, как человек тут же добрел. Однако с отцом этот номер не проходил.

– Не подлизывайся! Я прошу тебя выйти из комнаты! – не шёл на компромисс «Макаренко». Дочь обижалась, но подчинялась.

– Какой у тебя папа! – не переставали восхищаться учителя, когда на собрании Георгий Тимофеевич раскрывал очередные «секреты» воспитания, опробованные на своих детях.

Люду в такие моменты переполняло чувство гордости. Она приходила домой и рассказывала маме и сестре, как папу хвалили, и как ей было приятно слышать такие слова.

– Получить признание дочерей – смысл моей жизни! – по прошествии многих лет откроет секрет отец.

Откуда у папы появилась страсть к путешествиям, никто не знал. Но при каждом удобном случае он брал с собой дочерей, чтобы посмотреть города, изучить традиции других славянских народов – белорусов и украинцев.

В то время экскурсии на автобусах были самыми популярными. Кировская автоколонна, в которой работал папин младший брат, в качестве поощрения предлагала своим сотрудникам интересные туристские маршруты. В одну из таких поездок дядя Саша пригласил племянницу.

– Экскурсия долгая, – предупредил отец, – придётся ночевать в автобусе, не совсем удобно, но это единственная возможность побывать в Минске, Бресте и Хатыни.

– Что берём с собой? – без раздумий откликнулась дочь.

– Только необходимое, экскурсия продлится пять дней с учётом переездов из одного города в другой.

Привыкшая к походным условиям, Люда в предвкушении дальнего странствия принялась собирать вещи. Она уже представляла, как будут быстро меняться за окном пейзажи, и как она вместе с папой будет ходить по незнакомым улицам и делиться друг с другом впечатлениями. Дома не всегда на это хватало времени.

О Брестской крепости девочка была наслышана. Смотрела документальные фильмы, читала рассказы Сергея Смирнова о невероятном человеческом подвиге, который долго оставался полностью неизвестным. Побывав на месте, где проходила оборона крепости, Люда узнала полную драматизма правду. Так получилось, что в Брест туристы приехали затемно: музей был закрыт, стали устраиваться на ночлег. Папа, увидев вдали освещение, пригласил дочь посмотреть мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» хотя бы издали. Приблизившись на расстояние ста метров, они слышали звуки разрывавшихся снарядов, песню Александра «Священная война» и правительственное сообщение о нападении на Советский Союз войск немецко-фашистской Германии.

– Что это? – с тревогой в голосе спросила Люда.

Она прибавила шагу и скоро оказалась у главного входа – огромной звезды, прорезанной в бетонном блоке. Всё, что она увидела, произвело впечатление, равное по силе, как если бы она попала в то далёкое время к солдатам, мужественно защищавшим рубежи нашей Родины.

Отец не только рассматривал монументы, но и наблюдал за реакцией дочери. Люда испытала потрясение. Скульптура воина высотой в тридцать три метра олицетворяла мужество (поэтому памятник так и называется) защитников крепости. Рельефные композиции, которые они увидели на обратной стороне, рассказывали об эпизодах героической обо-

роны. Дочь, как ни старалась, не могла скрыть слёз, когда увидела, как солдат, опираясь на автомат, из последних сил пытается дотянуться до реки и зачерпнуть каской воду.

Уже днём экскурсовод расскажет о памятнике «Жажда», о подвиге защитников, без еды и питья много дней державшие оборону. Основное укрепление Цитадель со стенами двухметровой толщины, руины казематов (подсветка сделана так, чтобы создать эффект «расплавленного» кирпича), стометровый штык, ряды надгробных плит, Вечный огонь Славы, многочисленные клумбы редких роз (среди бордовых, красных и белых выделялись зелёные и фиолетовые!), подаренных поляками в знак признания подвига советского солдата, – всё это произвело на Люду сильное впечатление. А одна из надписей на стене крепости: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина. 20/VI-41» и вовсе привела в отчаяние. Весь вечер и следующий день она была немногословна и тихо грустила.

В Минске туристы пробыли всего несколько часов. Столица Белоруссии показалась приезжим ухоженной, как подobaет большим городам. Зелёные насаждения, высотные дома и множество людей, которых Люда почему-то не замечала. Она думала о тех, в Брестской крепости, кто отдал жизнь за мир на земле.

Посещение Хатыни только усилило переживания семиклассницы. Это ещё один комплекс в память сотен белорусских деревень, уничтоженных нацистами в годы Вели-

кой Отечественной войны. Обелиски в виде печных труб, звон колоколов Хатыни ... Отец заметил, как по щекам дочери покатались слёзы. Люда пыталась справиться с эмоциями, однако, увидев скульптуру непокоренного жителя Хатыни, несущего на руках зверски убитого фашистами сына, но не склонившего голову перед захватчиками, разрыдалась.

– Наверное, не надо было сюда приезжать?! – то ли спрашивая, то ли утверждая, обратился отец к дочери.

Он пожалел о том, что невольно заставил её так сильно переживать. «Но цель – воспитывать своих детей на лучших человеческих качествах – оправдывала средства», – считал он.

– Что ты?! – поспешила успокоить она папу. – Я тебе так благодарна! – Приеду, обязательно расскажу обо всём, что увидела, маме, сестре, братьям и одноклассникам. Отец вздохнул с облегчением.

Георгий Тимофеевич учил детей, продолжал учиться сам. И уже дочери помогали ему решать контрольные, приходившие по почте из Московского автодорожного техникума, в который он поступил, как только мама защитила диплом в медицинском институте. Учёба давалась непросто – не хватало базовых знаний.

– Девчат, что будем делать? – обратилась однажды к дочерям Нина Михайловна, когда Люда достала из почтового ящика тетрадь с отметкой «неудовлетворительно» и передала её маме. Как ни старался отец, задание выполнил непра-

вильно.

– Может, не будем говорить? – предложила Лена.

– Лучше сказать правду, – не согласилась младшая дочь, – контрольную переписывать надо.

– Вот ты это и сделаешь, раз такая смелая, – решила за всех сестра. До прихода отца с работы Люда подыскивала нужные слова.

– Ты сегодня какая-то загадочная ходишь? – по лицу младшей дочери он понял: что-то случилось. – Незачёт по контрольной?

– Ты только не переживай, папочка, – спешила успокоить Люда. – Нужно всего в нескольких местах переписать! – она протянула папе контрольную. Отец не мог не заметить переживаний домочадцев и находил в себе силы не огорчаться.

Через три года они будут гордиться, когда Георгий Тимофеевич привезёт из столицы заветную синюю книжицу – диплом об окончании Московского автодорожного техникума.

7. Соседка

Алла – соседская девочка, которая была старше сестры на полтора года – часто приходила в гости. Трое детей воспитывались без отца, поэтому она старалась перенять всё хорошее, что видела у соседей. Лена любила с ней общаться и, как тогда казалось Люде, лишь потому, что Алла была девочкой покладистой, беспрекословно выполняла любую прось-

бу. Они частенько шушукались, делая вид, что говорят о чём-то сверхважном, вызывая тем самым у Люды непреодолимое желание подслушать. И хотя подружки учились в разных классах, иногда вместе делали уроки. Лена, если что-то у соседки не получалось, помогала ей. Они вместе ходили гулять, хвастались своими обновками, делали друг другу причёски, примеряли мамины туфли на каблуках – вели себя, как взрослые ...

Люде тоже хотелось быть взрослой. Чтобы казаться выше, она прибавала гвоздями к своим шлёпанцам освободившиеся от ниток катушки и воображала, как пойдёт гулять «на шпильках». Незаметно доставала из маминого ридикюля – небольшой дамской сумочки для мелких туалетных принадлежностей – помаду, красила губы и смотрелась в зеркало.

– Люда! Помоги мне! – в самый неподходящий момент звала её сестра, и ей ничего не оставалось, как быстро умыться и делать вид, что или спала, или играла с куклой-моргуньей. Так она называла единственную, а потому любимую, игрушку, которую подарили ей родители. Кукла при наклоне вниз закрывала глаза, при движении в обратную сторону – открывала, а из пищалки на спине доносилось что-то похожее на «ма-ма». У Моргуньи были длинные золотые волосы, которые девочка старательно заплетала в косы, шила ей платья и ... завидовала: гардероб куклы обновлялся чаще, чем у неё самой.

У сестры тоже была игрушка – большой, в натуральную

величину грудного ребёнка, «голыш». Для него одежду шили Лена с соседкой. У Аллы мама работала на швейной фабрике, она часто приносила домой много не нужных для производства разноцветных лоскутков, из которых получались любопытные вещи: трусики, пижамы, комбинезоны, штанишки на лямках, панамки – всё для мальчика. Каждая обновка для кукол обсуждалась – у кого лучше.

Люде тяжело было соперничать – её кукла носила платья, сшитые из старых маминых вещей, которые зачем-то хранились на чердаке. Туда девочки частенько заглядывали. Им было интересно, в чём же ходили их родители?! Что-то примеряли на себя, а потом долго смеялись: в старинных платьях они походили на светских дам. В большом фанерном ящике находились не только одежда, но и обувь, которая уже не продавалась в магазине. Примерив боты, высокую резиновую обувь, которую надевали поверх туфель или ботинок в дождливую погоду, Алла попыталась сделать в них шаг-другой, но тут же упала ... И снова они беззаботно хохотали. Отыскав веер, девочки представляли себя барышнями на сказочном балу, которым вдруг сделалось дурно.

Их экскурсия в прошлое иногда длилась до прихода родителей с работы. Спасало от наказания умение Лены вовремя разглядеть на горизонте поднимавшуюся в горку маму. Из окна чердачного помещения вся улица была видна, как на ладони. Тогда они быстро выбирались оттуда и делали вид, как будто целый день занимались чем-то полезным.

Люде нравилось бывать у соседей. У Аллы было два брата: старший – Витя и младший – Саша. Они помогали матери вести хозяйство, вся мужская работа лежала на их плечах. Мыла полы и посуду, готовила обед сестра. Тётя Шура, их мама, слыла женщиной строгих правил, поэтому редко улыбалась, всё время проводила в заботах. Иногда Люда побаивалась её, впрочем, как и своего отца, который держал дочерей в «ежовых рукавицах».

Тётя Шура часто ругала своих детей, считала, что так она вырастит их настоящими людьми. В свободное время, как и большинство женщин на улице, стряпала. Мила любила усаживаться на большую скамейку у стола и ждала, когда тётя Шура достанет из печи сковороду, на которой жарились лепёшки. Секреты их приготовления знала только она. А ещё маленькая соседка любила огромные макароны, которые тётя отваривала, а затем посыпала сахарным песком.

– Люда, иди домой, я приготовила макароны с тушёной! – звала бабушка Катя.

Эти слова, как всегда, были некстати. С аппетитом внучка ела только у соседей, наверное, потому что макароны там делали сладкими, а не с жирной свиной тушёной, которую она не любила. Но однажды Люда нашла выход. Платье из мягкой оранжевой фланели отличалось от других, сшитых мамой, большими карманами. В них она и положила липкие макароны. Родители долго смеялись над ней, но впредь запретили приносить еду. Алле, наоборот, нравилось всё, что

готовилось в соседском доме. У Степановых любили и деревенские блюда: тюрю и мурцовку. Под тюрей понималась кипячёная вода с чёрным хлебом и сахарным песком. Мурцовку готовили просто: мелко нарезали зелёный лук, чёрный хлеб без корки, солили, перчили, заливали ароматным подсолнечным маслом и холодной родниковой (!) водой.

Алла с удовольствием составляла компанию за столом. А когда появлялся хотя бы малейший повод, обед или ужин на летней террасе превращались в праздник. Девочки расстилали на столе большую белую скатерть, ставили вазу с садовыми цветами, старательно украшали каждое блюдо. Через некоторое время к ним присоединялись взрослые. Папа доставал аккордеон, и музыку слышали на улице. На звуки вальса «Амурские волны» приходила тётя Шура. За столом становилось шумно и весело. Взрослые говорили о своём, девчонки – о девичьем. Если соседка была в хорошем настроении, обязательно пела частушки. Люда всегда грустила, когда приходило время расставаться.

– Делу – время, потехе – час! – напоминала строгая тётя Шура и вместе с дочкой уходила домой.

Как известно, ни одна дружба, какой бы крепкой она ни была, не обходится без ссоры. Однажды подруги разругались, да так, что, казалось, никто их не сможет больше помирить. Судя по всему, Алла ослушалась Лену, а та, не привыкшая терпеть неповиновения, обидела соседку.

– А зато у тебя отца нет! – с ноткой превосходства в голосе

вдруг заявила она.

Лена понимала, что делает больно своей подруге, что поступает очень жестоко, но гнев был такой силы, что она не смогла удержаться. Алла растерялась: её лучшая подруга затронула тему, запретную для всех. Не найдя нужных слов, она вдруг набросилась на неё и расцарапала лицо. Отмети-на после зажившей раны до сих пор напоминает сестре о том, как жестоко она поступила. Но, к счастью, это был единственный случай в жизни двух подруг. Потом они дружили водой не разольёшь!

8. «Мама, милая мама ...»

– Люда, деточка, иди молочка попей! – звала дочку мама. Она всегда употребляла слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом. – Хлебушка возьми, маслицем помажь ... – от неё исходили тепло и доброта.

Мама никогда не ругала дочь даже в случаях, если та озорничала. Она всё прощала не только Люде, но и старшей дочери. Наверное, сказывалось воспитание.

Родилась мама в Калуге, в семье была старшим ребёнком. С разницей в три года появились на свет сестра Люба и два брата – Саша и Коля. Старшим детям в семье всегда доставалось больше: и работы, и ответственности. Но они не унывали. Жила семья в казённом двухэтажном доме. Отец Михаил Степанович Зуйков заведовал сапожной мастерской, мама –

Наталья Кузьминична Селина – работала на фабрике швей. Добротная мебель, одежда, хорошее питание – семья жила в достатке. Всё изменилось с началом Великой Отечественной войны. Калужанам пришлось переехать из города в Ленск. Чтобы уберечь семью, дедушка Миша без колебания бросил нажитое и перевёз семейство в деревню. Калуга находилась под немцами, город каждый день бомбили, а недалеко – в тридцати-сорока километрах от областного центра – люди жили в эвакуации.

Глава семейства тяжело болел: сердечная и бронхиальная астма, воспаление седалищного нерва не позволили уйти на фронт. Да и по хозяйству никудышный помощник из него вышел. Весь дом держался на плечах жены Натальи. Она вместе с деревенскими бабами ходила на покос, к мужу обращалась с одной-единственной просьбой, чтобы тот разбудил её вовремя: боялась опоздать на работу.

Ехали зимой на подводе, – вспоминала мама, когда Люда просила рассказать про своё детство. – Трещал мороз, а на нас одежда – летняя. Помню, продрогла насквозь, на ногах пальцев не чувствовала. Потом ноги часто болели. Вместе с нами ехал грудной Коленька. Мать крепко прижимала его к себе, чтобы телом согреть, но малыш всё равно простудился. Уже в деревне мы отпаивали его отварами, растирали гусиным жиром спинку и грудь. И он пошёл на поправку.

Больше в Калугу Зуйковы не вернулись. В войну, как и все, голодали. Питались, если мука была, ржаными лепёш-

ками да котлетами из картофельных очисток и лебеды. Мама показывала студенческие фотографии (после войны она училась в фармацевтической школе).

– Мы выглядели упитанными, но не потому, что ели много, – рассказывала она, – пухли от голода.

Детство в военные годы было безрадостным. Мамина младшая сестра Люба, приходившаяся Люде тётёй, вспоминала эпизоды, типичные для того времени.

– Однажды мать отправила меня в лес за хворостом, чтобы печь истопить, – рассказывала тётушка. – Страшно было идти одной, но отказываться не смела.

– Раз кустик, два, три ... – Маленькая Люба, как Золушка из сказки, собрала вязанку хворосту и уже хотела уходить, как вдруг услышала за спиной шаги ...

– Стой, маленькая воришка, – прохрипел кто-то.

Люба изо всех сил бросилась бежать. От страха подкашивались ноги, но она не оставила ветки – печь надо было топить, иначе маленькие братья замёрзнут и снова заболеют. Мужик в тулупе гнался за ней чуть ли не до самого дома, но, видно, устал и вернулся в лес. Люба, едва переводя дыхание и дрожа от страха, прибежала домой и спряталась за отцовскую спину.

– Господи, ты что такая бледная и запыхавшаяся? – перепугался отец. – Ай, гнался за тобой кто?

– Дядька какой-то, – едва отдышавшись, ответила она.

Как оказалось, это был лесник. По тем временам даже ве-

точку нельзя было вынести из леса, не то, что охапку! С тех пор Любу одну за хворостом не отпускали. Приходилось обходить запреты, чтобы хоть как-то согреть малых ребят.

Ещё один случай из жизни семьи Зуиковых потряс Люду не меньше. Дедушка Миша (отец по материнской линии) заведовал сапожной мастерской. А как известно, зависть жила во все времена.

– Чтобы навредить ему, кто-то украл кусок кожи, – рассказывала мама. – А тут ревизия! Отца посадили, тогда нам несладко пришлось. Мы навещали его в тюрьме, – загрустила она, когда речь зашла о свиданиях. – Я помню, как протягивала к нему свою тоненькую ручку, а он через решётку – монетки.

Бабушка Наташа была женщиной стойкой. Вынесла все тяготы, наверное, потому что замуж вышла поздно. Тридцать два было, когда Михаил предложил руку и сердце Калужской красавице. Высокого роста, статная, с густыми длинными волнистыми волосами, она была видной невестой. Бабушка долго ждала своего суженого – слишком разборчивой оказалась: дедушка был тридцать девятым женихом, на которого соизволила обратить внимание.

– Что Наталья в нём нашла? – удивлялись деревенские.
– Наш отец был на голову ниже, не особо приметным, да к тому же в мужьях успел побывать!!! – вспоминала тётушка Люба. – С первой женой прожил всего полгода – разгульной оказалась. Однажды соседи признались: «Михаил Степано-

вич, Вы – на работу, а она – пьянки-гулянки устраивает. Не переживайте, мы такую невесту для вас найдём! Есть одна на примете. Только чересчур гордая!». Михаил, не раздумывая, заслал сватов. Мало, кто надеялся на то, что городская примет руку и сердце деревенского парня. А Наталья возьми и согласись! То ли в душу запал ей жених, то ли время пришло замуж выходить?! Для нас это осталось загадкой. Но женой наша мать была верной. Да и нам, дочерям, всегда советовала: «Мужу выше колена не показывай и про всё не рассказывай!». Не давала дружить нам с ребятами. Росли в строгости, – в голосе тёти Любы прозвучали непонятные нотки: гордости или сожаления.

– Посмотришь на нынешних, – сокрушаясь, продолжала она, – ни стыда, ни совести – слишком много позволяется парням. Куда гордость девичья подевалась? Жить с женихом до замужества – считалось неприличным, а в деревне – особенно.

П

ричина столь позднего замужества бабушки Наташи – традиции. В многодетной семье рано умерли родители, и на плечи самой старшей дочери легли все заботы. Она была вместо отца и матери. Сначала женила всех братьев, выдала замуж сестёр. Тогда и о своих делах сердечных задумалась.

В Ленске чаще всего бывала Лена. Все детские годы провела она в этой деревушке, которая славилась своими вишнёвыми садами. Весной от буйного цветения глаза слепило.

– Аромат такой – надышаться не могли, – рассказывала Лена сестре и соседке, когда возвращалась из деревни. – Мы гусей пасли. Один меня чуть не ущипнул.

– Тега, тега, – звала она лапчатых.

А те вместо того, чтобы подойти к ней, вытягивали вдруг свои шеи и шипели! Лена бежала без оглядки. Она рассказывала, как любила сидеть с бабушками, которые собирались на лавочке и щелкали семечки. У каждой было по небольшому тряпочному мешочку.

– Бабулечки мои, дайте я вас поцелую! – чтобы как-то расположить к себе соседок, предлагала она. Те, не ожидая такого к себе внимания, добрели и угощали её кто конфеткой, кто – булочкой.

В деревне вся живность то кусалась, то бодалась, то клевалась и щипалась. Ей не раз доставалось от коровы, которая почему-то невзлюбила маленькую озорницу. Лена, увидев её рога, похожие на острые ухваты, старалась обходить стороной. Несмотря на свой возраст, она была девочкой сообразительной.

– Не дам глинки, – зная особенность внучки хитрить, часто грозился дедушка Миша.

Это было самым жестоким наказанием для внучки. Лена могла променять кусочек сахара на небольшой комочек голубой глины, которую дедушка сушил специально для неё. Он хранил лакомство в чистом белом лоскутке и выдавал его исключительно за прилежность и послушание. К удивлению

деревенских, Лена грызла глину, словно это были яблоко или груша. Но однажды внучка ослушалась деда. Тот, как и обещал, наказал её – лишил порции сухой глины.

– Вот выпадут у тебя зубки, не буду хлебушек тебе жевать! – по-детски грозилась Лена. Дед притворялся обиженным и мрачнел.

– Дедушка, миленький, да я пошутила! – восклицала она, готовая простить любого, кто когда-то причинил ей боль.

К деду приходили со всей округи: кто ботинки зашить просил, кто валенки подшить ... Никто не слышал, чтобы родители ссорились. Отец никогда не повышал голоса, даже если дети озорничали. Умер Михаил Степанович Зуйков на шестьдесят седьмом году жизни.

Люда приезжала к сестре в деревню изредка. Днём они ходили под горку к реке, а вечерами вместе с взрослыми пили чай. Щипцы для сахара были обязательным атрибутом церемонии. Это сегодня рафинад в пачках продаётся, а по тем временам сахар покупали в больших кусках.

– Хрр-ум! Хрр-ум! – Люда как замороженная смотрела на ловкость дедушкиных пальцев. – Это тебе, озорница, – так всегда дедушка Миша звал внучку маленькую, – а это тебе, – обращался он к другой, самой любимой. Чай пили из большого самовара. Дядя Коля доставал зачем-то кирзовый сапог.

– Неужто чай в него наливать будет? – подумала Люда.

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, – шутил

дядя.

Он переворачивал сапог так, как это делал Гриня из «Неуловимых мстителей», чтобы раздуть огонь в самоваре. Через некоторое время вода в нём закипала. Всё семейство собиралось за большим деревянным столом. Бабушка Наташа расставляла стаканы с блюдцами, а Лена ей помогала. Пили чай вприкуску с сахаром. Из стакана выливали в блюдце, чтобы не обжечься.

– Фу-у, фу-у, – пытались остудить чай взрослые и только потом отхлёбывали.

Пятилетняя внучка подражала им, делая вид, что ей тоже очень горячо. Дедушка и бабушка, мама, дядя Коля и тётя Люба о чём-то разговаривали, смеялись, и, казалось, что это были их самые счастливые минуты в жизни!

После окончания фармацевтической школы мама переехала в Киров, да так в нём и осталась. Устроилась в местную аптеку фармацевтом. Пришло время выходить замуж. Мама, как и бабушка Наташа, тоже оказалась слишком разборчивой в женихах. Сколько бы ни ухаживал за ней Толик Т., известный в городе и богатый молодой человек, согласия выйти замуж за него калужанка Нина не дала. На то были причины: внешне не очень красивый, да и культуры явно не хватало.

– Ладно, не нравится моя морда, приведу тебе Юрку, – пообещал Толик.

Юрка, это будущий отец Люды. Став взрослым, он взял

себе имя, производное от Георгия. Вспоминается ставшая крылатой фраза из кинофильма шестидесятых «Москва слезам не верит»: «Георгий Иванович, он же Гога, он же Гоша, он же Юрий, он же Гора, он же Жора, здесь проживает?». В свидетельстве о рождении папа записан как Георгий, в паспорте – уже Юрий. Через некоторое время он снова вернётся к полюбившемуся имени, и дочери станут Георгиевны, за что они ему впоследствии скажут спасибо.

Маме худощавый парень приглянулся: бледное лицо, тонкий прямой нос, густые тёмные волосы, зачёсанные назад, аккуратно одет, серьёзный ... Мама почти сразу согласилась выйти замуж.

Отслужив четыре года в Китае, Юра в деревню не вернулся. Муж его родной сестры Маруси – Василий Михайлович Батурин – занимал высокую должность в городской милиции, помог демобилизованному из рядов Советской Армии с паспортом.

В Кирове родители снимали квартиру. Сначала на улице Гоголя, после рождения Лены – на Пролетарской. Вместе с ними жила и родная сестра.

– Люба, что ты в деревне будешь делать? Оставайся, работу тебе найдём! – предложила мама.

Та с радостью согласилась: жизнь в деревне – несладкая, да и к самостоятельности привыкать надо было. По знакомству тётю Любу устроили старшей сестрой в детские ясли.

18 января 1957 года на свет появилась Лена. Заботу о ре-

бёнке сёстры поделили поровну в буквальном смысле этого слова. В ясли детей брали с трёхмесячного возраста, а на одну зарплату мужа не проживёшь. Папа тогда работал на Кировском чугунолитейном заводе водителем. Тут и пригодилась помощь сестры. Работали по очереди: до четырнадцати часов – мама, после – тётя Люба. Она садилась на велосипед, на котором приезжала сестра, быстро крутила педали и уже через несколько минут оказывалась на работе. Так продолжалось, пока Леночке не исполнилось три месяца. С появлением возможности отдавать детей в ясли стало легче.

9. Родственники

Их было много, но самые близкие и родные – тётя Люба и дядя Ваня, их дети – Гена и Серёжа. Жили дружно. Такие семьи – в жизни большая редкость: родные братья Степановы Георгий и Иван женились на родных сёстрах Зуйковых – Нине и Любе. Позаботился об этом отец.

Познакомились дядя и тётя на танцах, которые устраивались для молодёжи в клубе на Нижнем – одном из микрорайонов города. Тётя Люба рассказала случай, который произвёл на всех сильное впечатление. Забота Георгия Тимофеевича о родственниках проявлялась даже в мелочах. А если речь заходила о судьбоносных решениях – смело брал ответственность на себя. Женился сам и брату решил вторую половинку найти. Когда тётя Люба приехала к сестре в Киров,

взяли с собой на танцы.

– Молодые были, – рассказывала тётушка, – ребята липли, как мухи на мёд. Заприметил это Юрка – так тётушка звала «Макаренко», – и, ни слова не говоря, стал приглашать меня на каждый танец. Мне стало не по себе: Нинка сидела, а я с её мужем танцевала. Никак не могла понять, почему? Да и сестра слишком спокойно вела себя. Только после вечера танцев он признался: специально приглашал, чтобы другие не подходили – невесту берёт для брата, который служил в армии.

Подобное могло прийти в голову только отцу. Вернувшись домой, Иван едва дождался встречи с суженой. На очередном вечере уже он оказался в роли самого настойчивого кавалера. Приглашал на каждый танец.

– С тех пор подружились, – продолжала рассказывать тётя Люба. – Однажды он увидел, с какой лёгкостью я колола дрова, и очень удивился.

– Хозяйственная! – отметил он, – будет моей женой!

Иван, как и его старший брат, не захотел после армии возвращаться в деревню. В многодетной семье, в которой они росли, принцип: «один – за всех, все – за одного» помогал выжить. Эти слова стали девизом и в дальнейшей их жизни. К тому времени всеми уважаемая мама Люды – Нина Михайловна – помогла ему оформить прописку, получить паспорт, а отец – устроил брата на завод шофёром.

– Нинке надо было при жизни золотой крест поставить, –

вспоминала со слезами на глазах тётя, – стольким родственникам она помогла! Никому не отказывала, кто бы ни обращался. Была в почёте, весь город знал. Михайловна – так по-доброму звали её.

По примеру брата и сестры сначала молодые жили на квартире, а потом начали строить дом. Получить хороший земельный участок помог им всё тот же Василий Михайлович Батурин, бывший военный, долгое время отслуживший в Германии. Там родилась их первая дочь, а по возвращении в Киров – ещё три.

Люда любила гостить у своей тётушки Любы, у своей крёстной матери. Двоюродные братья встречали как родную и всегда просили остаться переночевать у них. А это означало, что они будут до глубокой ночи играть и рассказывать всякие истории.

Гена был моложе Милы на два года, поэтому ссор из-за того, кто главнее, не возникало. Двоюродный брат слушался сестру, но, если дело доходило до соперничества, предпочитал быть первым. В этой семье не жалели денег на детские игры. Родители мечтали вырастить мальчишек настоящими людьми, сильными, смелыми и сообразительными. Всевозможные настольные игры и викторины покупались с каждой зарплаты. А ещё сёстры и братья любили городки и разноцветные кегли. Первые выбивались битой, вторые – шарами, как в современном боулинге. Соревновались две семьи. Кому-то на старте везло, кому-то – на финише.

– Давай, Гена, прицелься, постарайся распечатать «конверт», – подсказывал дядя Ваня старшему сыну.

Это означало выбить деревянный брусок, который располагался в центре, и считалось верхом мастерства городошника. Когда сыну удавался виртуозный бросок, дядя гордился.

– Мужичок растёт, – не переставал нахваливать он Гену.

Родители, несмотря на свою занятость (работали и вели хозяйство по дому), любую свободную минуту старались провести с детьми. Так было заведено у всех Степановых. Тон задавал отец Люды. Если учились играть в шахматы в его доме, примеру следовал брат Иван. Старались не отставать и дети – Гена с Серёжей.

– А мы уже в шахматы умеем играть! – хвастались сёстры.

– Знать, как ходят фигуры, ещё не значит уметь, – чтобы не обидеть племянников, говорил отец. – Нужно научиться ставить шах и мат! Это главная цель игры, – объяснял он.

Через некоторое время уже мальчишки показывали, как можно в несколько ходов поставить «детский мат», и обучали сестёр игре в «Чапаева». Обычно соревновались в ловкости пальцев Люда и Гена. Они играли на полу, чтобы шашки не разлетались в разные стороны при очередном ударе «пыром».

Кто придумал игру в «Чапаева», неизвестно. Но то, что она неплохо развивает глазомер и точность удара, никто не ставил под сомнение. Существовало множество приёмов, о которых соперники договаривались заранее, чтобы в ходе иг-

ры не возникало споров. А они появлялись – никто не хотел проигрывать, впрочем, как и в остальных играх.

– Гена опять плачет, – жаловалась Люда сестре. – Не могу же я играть в «поддавки»? – старалась она успокоить брата.

– Ты же мужчина? – подзадоривал сына отец, чтобы тот быстро успокоился и взял реванш за поражение. Кузина всегда давала шанс отыгаться.

Если выдавалась хорошая погода, дети выходили на улицу с родителями посоревноваться в силе, ловкости, меткости. Играли командами в лапту. К поединку готовились основательно: сами делали биты, выбирали лучший каучуковый мяч.

– Давай-давай, быстрее-быстрее! – доносились крики с площадки.

Эта русская народная игра была, пожалуй, самой трудной. Попасть с размаху битой по мячу и быстро перебежать на другую сторону «небитым», удавалось не каждому. Иногда приходили домой с синяками, если в кого-то попадали мячом.

Высекалы, выбивалы, вышибалы ... – другие любимые игры двоюродных братьев и соседских мальчишек. Попасть мячом в наибольшее количество игроков противоположной команды старались все, но побеждали самые быстрые, с хорошей реакцией.

«Хали-хало! Стоп!» – соревнование для смышлёных. Ведущий берёт мяч и загадывает слово. Остальные игроки

должны его отгадать по подсказкам – по первой и последней буквам. Когда игрок называет правильное слово, ведущий кидает ему мяч и убегает. Выигравший берёт его, кричит ведущему: «Хали-хало! Стоп!», называет количество шагов и делает их в сторону водящего, а затем старается попасть в кольцо из его рук. Эта игра была любимой у соседки Аллы. Ребята соревновались, играя «в ножички», девочки – играя «в классики». И везде определялся победитель. Так закалялся характер.

В обеих семьях научили детей хорошо плавать, ездить на велосипедах – сначала на детском, трёхколёсном, а потом мальчишек – на мужском, девочек – на дамском, без рамки.

Все праздники отмечали вместе. Особенно любили Новый год – наряжать ёлку старались, чтобы удивить. Зелёную красавицу срубали с разрешения лесника.

– Кто со мной пойдёт за ёлкой? – спрашивал отец, когда до праздника оставалось несколько дней.

– Я! – радостно кричала Люда. – Папочка, подожди, только валенки найду!

– Хрум-хрум! – хрустел под ногами снег – под Новый год всегда стояли крепкие морозы. Через десять минут они оказывались на окраине леса, где позволялось вырубать небольшие ели.

– Смотри, какая красавица! – Люда бережно отряхивала снег с колючих лап.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.